

Алиса
Князева

Ника
Смелая

A movie poster featuring a man and a woman in a bakery. The man, with long dark hair and a beard, wears a white shirt and a brown patterned vest. The woman, with long brown hair, wears a green dress over a white blouse. They are standing in a bakery with shelves of pastries and a large arched window in the background. Blue smoke or steam rises from the pastries. The title is written in large, stylized letters at the bottom.

Немужная жена
ХОЗЯЙКА
лавки сладостей

(Не)нужные хозяйки

Ника Смелая

**Ненужная жена. Хозяйка
лавки сладостей**

«Автор»

«Автор»

2026

Смелая Н.

Ненужная жена. Хозяйка лавки сладостей / Н. Смелая —
«Автор», «Автор», 2026 — ((Не)нужные хозяйки)

Мечтала стать кондитером, но доросла только до «девочки на побегушках» в офисе, а потом попала в другой мир. Прямоком в постель к умопомрачительному дракону, ценителю гастрономических изысков, который очень удивился отказу в исполнении супружеского долга. Теперь я стою на пороге огромной кондитерской, приносящей лишь убытки. Мой внезапный муж думает, что так меня наказывает. — Домой попадёшь, только если Лакомка принесёт доход! — раздаётся мне в спину. Вот уж дудки! Исполню свою мечту, стану хозяйкой этого места и никаких домой, красавчик! Чего приехал? Руки прочь! Этот кекс не для тебя!

© Смелая Н., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Визуализации	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	40
Глава 12	43
Глава 13	45
Глава 14. Ардэн Хангер	47
Глава 15	50
Глава 16. Ардэн Хангер	54
Глава 17	57
Глава 18. Ардэн Хангер	59
Глава 19	62
Глава 20	65
Глава 21. Ардэн Хангер	68
Глава 22	71
Глава 23. Ардэн Хангер	75
Глава 24	77
Г	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Алиса Князева

Ненужная жена. Хозяйка лавки сладостей

Пролог

Украдкой бросаю взгляд на широкую спину мужа. Множество свечей, запертых в стеклянных клетках расставленных по комнате светильников, подчёркивают рельеф мускулов и выделяют их глубокими тенями. Мощные плечи блестят от пота, наспех стянутые шнуром волосы растрепались, придавая обычно серьёзному и собранному лорду Хангеру неряшливый вид.

Он поднимается на ноги, позволяя полюбоваться нижней частью хорошо сложенного тела с крепкими бёдрами, затем берёт одежду с банкетки и начинает одеваться.

Казалось бы, я должна радоваться. Я почти уверена, таким его мало кто видел, не верю я, что он проводит время с другими женщинами. Красивый, сильный, имеет много власти и денег, не душит контролем, как бывает с другими мужчинами, дарит подарки, если я делаю всё правильно. Так, как он хочет.

Идеальный. Я должна чувствовать себя самой счастливой. Получила всё, о чём только можно мечтать. И всё же...

Я с трудом отрываю голову от подушки и, прижав к груди одеяло, сажусь.

— Может останешься?

— Не носи чушь, — усмехается он, и я слышу в том скрытую издёвку.

— Люди будут шептаться, — с досадой замечаю я. — Раз уж мы женаты, то нужно хотя бы делать вид, что мы семья.

Он запрокидывает голову и смеётся. Чувствую себя невероятно глупо, будто прошу его о чём-то аморальном...

— Айрис, — он бросает на меня ленивый взгляд через плечо. — Ты серьёзно сейчас? Нам что теперь, ходить за ручку в парке? Пускать розовые слюни в кофейнях? Будь серьёзнее. Ты знаешь, для чего я на тебе женился. Знаешь, что мне нужно. Или ты из тех глупышек, что надеются, будто после свадьбы или того хуже рождения ребёнка у мужчины что-то резко переклинивает в голове, и он становится другим человеком?

— Я не имела ввиду ничего такого.

Зря я начала этот разговор.

— Что же до других людей, мне безразлично их мнение. Если тебя что-то не устраивает, это твоя забота.

— Я лишь сказала, что ты мог бы просто немного...

— Нет, не мог бы. Хватит, Айрис, — он затягивает пояс и поправляет висящие ножны и кошелёк.

Коснувшись пальцами, он хмыкает и развязывает узелки.

— Вот, возьми, — достаёт пару монет и швыряет мне на одеяло. — Купи себе новую тряпку или что ты там любишь.

— Ардэн!

Монетки тихо звякают, одна из них скатывается на пол и падает куда-то под кровать.

Внутри что-то обрывается. Я не позволю себе эмоции, только не при нём. В горле встаёт ком, такой тяжёлый, что даже дышать больно. Я отворачиваюсь к окну, где за тонкими занавесками мерцают далёкие звёзды. Они кажутся такими же недостижимыми, как мечты о семье.

Звук закрывающейся двери эхом отдаётся в пустой комнате. Несправедливо. Я просила не так уж много, не так ли? Каплю внимания, разговор, взгляд, в котором будет хоть толика тепла. На любовь я даже не надеюсь, она погребена под холодной плитой брака по расчёту.

Знала, на что шла. Но почему тогда я чувствую себя такой грязной и униженной? Монеты на одеяле будто издеваются надо мной своим равнодушным блеском. Мы женаты, а он просто откупился от меня, чтобы я не мешала.

Разве такую жизнь я должна прожить?

Глава 1

Какая же мерзкая сегодня погода! С самого утра небо затянуто тяжёлыми тучами, и пошёл проливной дождь. Такой, что ни один зонтик не спасёт: промокнешь до нитки, если рискнёшь высунуть нос из дома. А мне как назло документы в офис везти для отчёта. И это в собственный заслуженный выходной!

Ну и ладно. Сегодня как раз у Олечки день рождения. Заодно и свой кондитерский презент ей захвачу сразу в офис. Живёт она на другом конце города, так что, можно сказать, мне подфартило.

Работаю я в бухгалтерской компании, хотя всегда хотела стать кондитером. Не срослось. Денег на дорогостоящие курсы не нашлось, а местный бухгалтерский колледж набирал без экзаменов.

Вот и выпекаю теперь тортики коллегам на дни рождения от чистого сердца и чтобы отвести душу на кухне, создавая очередной никем не признанный шедевр, съедаемый хоть и с аппетитом и благодарностью, но в единичном экземпляре.

Аккуратно упаковываю небольшой кремный торт в подготовленную для него коробочку, заботливо помещаю в пластиковый бокс, приобретённый как раз для безопасной транспортировки моих кулинарных шедевров, и иду собираться.

Любимый кашемировый плащ приходится оставить на вешалке, облачившись в тёплую кофту и дождевик поверх. На ноги не привычные ботильоны, а увесистые резиновые сапоги. Да, симпатичного нежно-фиолетового цвета с крупной золотой цепью в виде аксессуара, но всё же не та обувь, в которой я чувствую себя женщиной.

Пара пшиков любимых духов. Сама не знаю зачем, ведь я не на свидание собираюсь, а просто бумаги с тортом передать, но всё же. Хоть в чём-то хочется оставаться собой в этот мерзкий день.

Неприменно посмотреть в зеркало на дорожку: раскрасавица в жёлтом дождевике с капюшоном, в фиолетовых резиновых с полиэтиленовым пакетом, в который упакована бумажная отчётность в одной руке и пластиковой коробкой с тортом в другой.

— Мда, Ирина Батьковна! В таком прикиде только в хлев навоз вычищать, а не в офис приличной фирмы заявляться, — досаую. — Хотя сапоги очень даже ничего, если б в них не было по килограмму веса в каждом.

Кручусь вокруг себя, понимая, что духи были лишними. Если я в своём любимом модном пальто не вызываю интереса у представителей противоположного пола, то что уж говорить об этом карауле? Да ещё и в ливень. А, ладно! Чем быстрее отвезу, тем быстрее вернусь к просмотру сериалов и поеданию любимого мороженого. Выходной всё-таки. Имею право.

От моего дома до остановки автобуса минут пять пешком. Главное, преодолеть это расстояние, а там можно расслабиться, так как выходить мне прямо напротив офиса. Только через подземный переход перейти и на месте.

Кое-как дохлюпываю до покосившейся остановки, но под навесом места нет даже котёнку. Пришедшие раньше меня набиваются внутри так, что не подвинуться. Стою под струями, льющимися с неба, жду автобус и думаю, что надо бы мне, наконец, научиться говорить «нет» и настаивать на своём. А то так и будут меня использовать все желающие и не только. Отказалась бы ехать, не стояла бы как цуцик в ливень и свой выходной, переминаясь с ноги на ногу, в ожидании транспорта.

— Девушка, вы едете или нет? — слышу незнакомый мужской голос и резко возвращаюсь с небес на землю.

Оказывается, автобус уже подъехал, все желающие успели погрузиться, но водитель придержал двери открытыми специально для меня. Конечно, тут ходит только один маршрут, поэтому если уж кто-то и стоит возле остановки, то это не просто так.

— Да, спасибо, что подождали, — краснея и пыхча, взбираюсь на подножку. Двери за мной захлопываются и мы трогаемся.

Устраиваюсь в самом углу подальше от остальных пассажиров, так как с дождевика стекает столько воды, будто дождь решил составить мне компанию и тоже проехаться на автобусе. О том, чтобы сесть, даже речи быть не может. Так и еду стоя до своей остановки, пытаюсь никого забрызгать и не замочить.

Практически вываливаюсь на улицу, так как почему-то именно сегодня половине пассажиров приспичило выйти вместе со мной. Ну, как вываливаюсь? Меня просто выносит людским потоком. Но он быстро рассасывается, и я остаюсь одна напротив подземного перехода.

Из приятного: дождик прекратился, но раскаты грома где-то вдалеке подсказывают, что это ненадолго. Если повезёт, то я успею по-быстренькому добежать до офиса, оставить бумаги и вернуться.

Но стоит мне подойти к ступенькам, ведущим в переход, понимаю, что метнуться туда и обратно молодым кабанчиком не выйдет при всём желании. Мраморная лестница намокла, и даже мои резиновые сапоги скользят на ней при каждом шаге.

Медленно не спеша начинаю спускаться, лестница остаётся позади, и всё идёт отлично ровно до того момента, как мне навстречу не выскакивает странный зверёк, размером с кошку.

В переходе темно, ближайшая ко мне настенная лампа разбита, а свет от следующей никак не помогает получше рассмотреть животину. Сколько ни вглядываюсь, не могу понять, что же это за тварь Божья. Но тут по небу прокатывается очередной раскат грома и сверкает такая молния, что становится светло, словно в летний полдень.

Тут-то я и понимаю, что передо мной сидит огромная, мокрая, грязная... зубастая крыса с лысым кожистым хвостом и совершенно диким взглядом. В голове мелькает мысль, что по области недавно было предупреждение об участвовавших случаях бешенства, переносимого как раз этими грызунами.

Делаю нерешительный шаг назад, и тут за спиной снова бабахает, отчего крыса вздрагивает и несётся прямо на меня.

Я могла попятиться, если бы не лестница, о которую тут же спотыкаюсь. Теперь столкновения с мерзким зверьком не избежать. Но я настолько везучая, что вместо того, чтобы отклониться в сторону, продолжаю отступать. На скользкие ступени.

Сама не понимаю, как начинаю падать спиной на лестницу, но зато отчётливо ощущаю, как мне в грудь буквально врезается крыса и начинает истерично шкрябать своими мерзкими коготками по ткани дождевика.

Мгновение и становится темно. Никакой боли нет, ровно как нет ни звуков, ни запахов, ни злосчастного грызуна. А затем я резко распахиваю глаза в незнакомом мне месте.

Спальне.

Я лежу на застеленной шёлковыми простынями постели в коротком хлопковом платице, а прямо передо мной совершенно беспардонно и без тени смущения избавляется от одежды здоровый мускулистый мужик.

— Чего застыла, будто в первый раз? — обращается ко мне незнакомец. — Задирай подол. По-быстрому сделаем дело, и ещё месяц твою недовольную физиономию не увижу!

Я не ослышалась? Он сказал... задирай подол? Что тут происходит?

Глава 2

— П-п-простите? — язык не слушается, да и спросить что-то более-менее внятное я не в состоянии.

Только что стояла в переходе и на тебе.

— Избавь меня от истерик, Айрис, — в низком бархатистом голосе слышатся нотки лёгкого раздражения. Он будто с куда большей охотой оказался бы в любом другом месте, но не здесь. — Давай не будем затягивать с прелюдией и сразу перейдём к сути, чтобы поскорее вернуться каждый к своим делам, — говорит полуобнажённый мужчина, опасно приближаясь к постели.

Не то что бы я рассчитывала растянуть понятно какое удовольствие, но всё же становится обидно, что он вот так просто берёт и... с места в карьер.

Я что ему, девка продажная? Хам!

— Ну так и не стану вас задерживать, — невольно сколжу взглядом по его крепкой груди, литым мышцам пресса и ниже. — Идите по делам!

— Ты прекрасно знаешь, что твоё ребячество всё только усложняет, — злится красавец.

Самое обидное, что по внешним данным, он бы мог легко склонить к чему угодно, будь у него хоть капля харизмы и заинтересованности этим самым соблазнением. Но увы, он выглядит так, будто получил правки к годовому отчёту и спешит поскорее от них, вернее меня отделаться, а это портит весь настрой.

Просто так лежать и ждать, когда он сам задерёт мне подол нельзя.

Я вскакиваю и отступаю к изголовью постели, подхватывая при этом подушку, чтобы хоть как-то прикрыться и дать себе хотя бы иллюзию преграды между нами. Притом что я полностью осознаю, что он может скрутить меня одной рукой, а после сделать всё, что придёт в голову. Я макушкой ему даже до плеча не достаю. Как мне этого медведя победить-то?

И раз физически у меня нет ни шанса, придётся пользоваться хитростью.

— Мне сегодня... — в голове гудит, словно там пчелиный рой завёлся. Перед глазами пляшут чёрные мушки. — ...нельзя ничего задирать. Критические дни, знаете ли, — выдаю первое, что приходит в голову.

— Как глупо. Ты решила солгать мне? Я прекрасно знаю, когда и что моей жене можно.

Жена. Он сказал, что я его супруга. Будь у меня такой муж (да какое там, даже просто ухажёр), я бы точно об этом знала. И точно не сопротивлялась бы.

Высоченный, на теле ни грамма жира, мышцы такие, что впору на обложку журнала "Men's health" фотографировать. А красавец-то какой! Глазищи карие-карие, почти чёрные. Брови густые, длинный прямой нос, пухлые губы и ямочка на подбородке. Небритый, правда и не подстрижен коротко, как я люблю. Но это мелочи.

— К чему этот спектакль, Айрис? Мы оба знаем, что всё заканчивается одинаково, — обходя ложе и недовольно хмурясь, чуть повышает тон «муж». — Ты прекрасно знаешь, что я не люблю игры в кошки-мышки.

Да он не просто кошка, а настоящий саблезубый тигр...

Краем глаза отмечаю расстояние до двери, спрыгиваю на пол и бегу к ней. Не знаю, на что я рассчитываю, пытаюсь убежать в чужом доме, но практически сразу замираю перед большим зеркалом, обнаруженным тут же в спальне.

В отражении не я, а незнакомая мне девушка. Женщиной её не назовёшь, молодая больно. Невысокая, худенькая круглолицая брюнетка. Длинные волосы мягкими волнами спадают на плечи и приличного такого размера грудь, заметную даже под сорочкой. Глаза большие выразительные, губки тонкие, но нежные как лепестки розы. Вот тебе и на! Это вообще кто?

В голове проносится вихрь мыслей: где я? Как сюда попала? Почему не помню ничего до того, как проснулась в этой постели? Что произошло с моим телом?

Паника накатывает волнами, дыхание становится прерывистым. Ещё и мужик этот...

Не успеваю отойти от шока, как меня обхватывают две крепкие ручки и прижимают к горячему «мужнину» телу. Лёгкие наполняются запахом, в котором угадываются древесные ноты. На меня он нагоняет мысли в духе: «я готова убежать, но не слишком быстро».

— Я начинаю терять терпение, — раздаётся прямо у меня над ухом, отчего по телу пробегают волна мурашек. — Ты и сама знаешь, что я голодным не останусь.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять о каком именно недоедании речь. Эдак этот гурман меня сейчас и разложит как курочку на тарелочке. И ножки в разные стороны разведёт.

Не знаю, каким чудом мне удаётся развернуться и даже освободить руку, чтобы вцепиться нахалу хлесткую пощечину, но на этом удача заканчивается. «Муж» играючи перехватывает мою ладонь буквально в миллиметре от своей щеки, так что я успеваю уколоться об щетину, невольно вскрикнуть от боли в зажатом его кулаком запястье, и осознать, что я всё это зря.

Ну и что мне теперь делать?!

Визуализации

Дорогие читатели!

Мы рады приветствовать вас в новой истории!

Прошу поддержать нас зажжёнными звёздочками (это помогает в продвижении) ну и убедитесь, что книга попала в вашу библиотеку. Будет интересно ;)

По традиции давайте поглядим на наших героев!

Ардэн Хангер

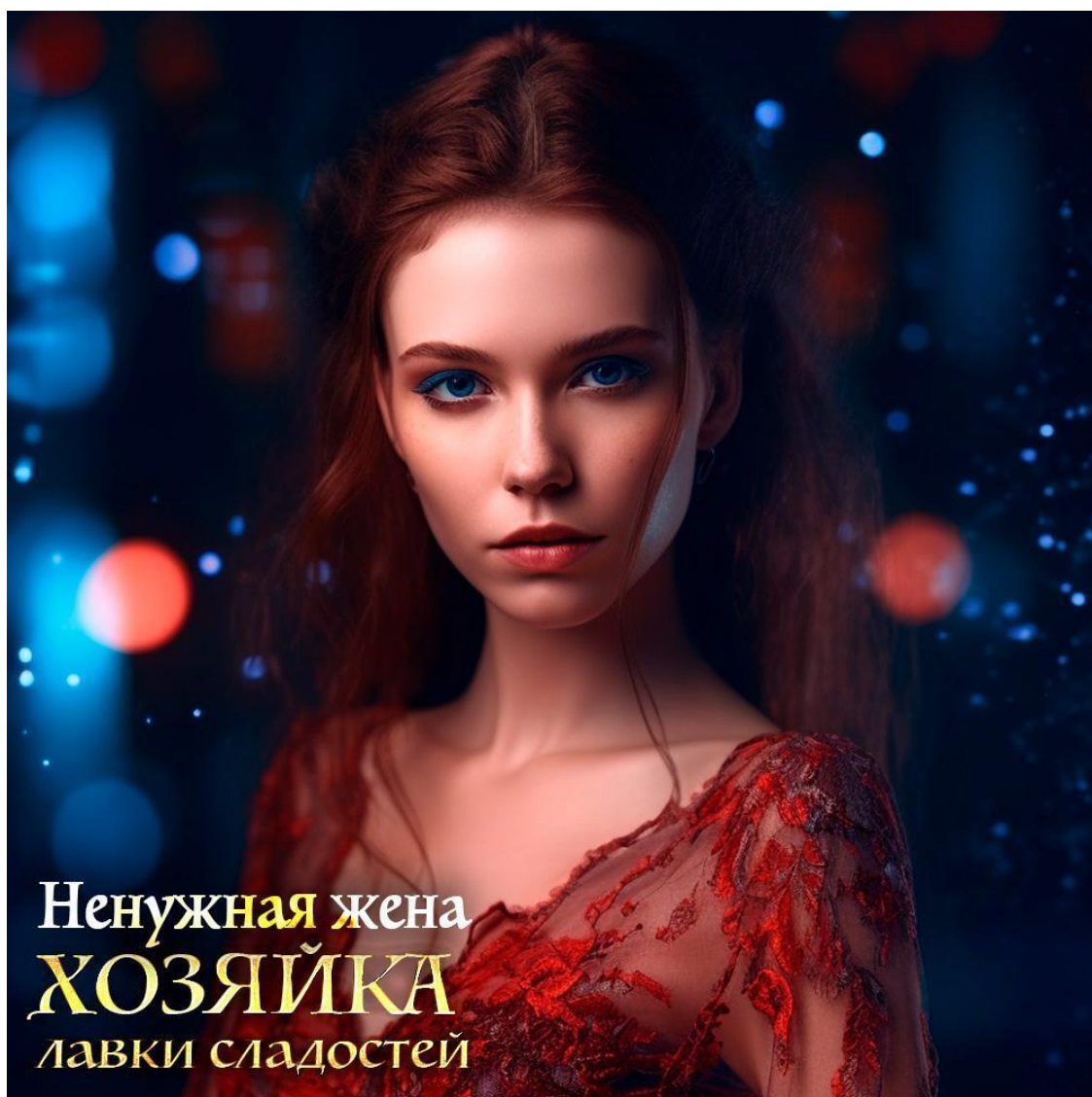
который даже с картинки смотрит то ли с осуждением, то ли с желанием сожрать нас будто кексик.

Как думаете, чего он хочет?

Айрис Хангер

Девушка, которой «свезло» оказаться его женой и место которой заняла Ира, перенимая на себя все проблемы предшественницы.

Глава 3

— Так-так, — красавец медленно наклоняет голову. — Ну и что это такое? Не слишком ли ты заигралась, Айрис?

Как он меня назвал? В сочетании с незнакомым отражением в зеркале всё это даже на хорошо поставленный розыгрыш не тянет.

Мой мозг сейчас взорвётся. Я понимаю, что вляпалась уже не просто в попытку изнасилования со стороны этого мужчины. Я на него напала и, кажется, это может привести к куда более серьёзным последствиям...

— Я... Э-э-э...

Сказать ему, что я Ира, а не Айрис? Или это сделает только хуже? Он отправит меня в какую-нибудь местную психушку?

Ладно, пока придержу эту информацию при себе. Я и так сделала свою жизнь достаточно сложной, попытавшись ему леща дать.

Понять бы, что теперь делать.

— Я не хочу, — пытаюсь успокоить голос, чтобы звучал не так жалко.

Чёрт, а если ему плевать на мои хотелки? Может прикинуться больной?

— Не обязательно хотеть, чтобы делать то, что нужно, — философски замечает он. — Я бы тоже ни за что не женился, если бы не приказ короля. Аппетит приходит во время еды? Как же! Если тебе подали безвкусное блюдо, то сколько ни жуй, слюнки не потекут.

Стараюсь пока не слишком удивляться упоминанию короля и его странных ассоциаций, но уже чувствую, что шок может и с ног сбить. Я как будто в другом мире оказалась, хотя почему как?

— Сейчас у вас точно слюнки не потекут, — медленно растягиваю слова, сочиняя. — Я... э-э-э... заболела. По-женски. Мне нельзя сейчас.

— И как же ты умудрилась заболеть? — тёмные глаза опасно сужаются.

Вот блин! Сейчас придумает, что я тут мужиков вожу, и будет только хуже!

— Про... Я не знаю!

— Ты была с другими мужчинами? — он делает маленький шаг ко мне, а я чувствую такую угрозу, будто стою на склоне горы, а на меня несётся снежная лавина.

— Разумеется, нет! — я пытаюсь увеличить дистанцию, но он не пускает и резко дёргает меня к себе.

— Значит это очередная твоя глупость? Я мог бы очень разозлиться, Айрис, если бы не знал, что сюда не ходят посторонние и сама ты никуда не едешь. Но всё же не исключаю женское безрассудство. К тому же, вся ценность, что есть в тебе, связана с моим именем.

Вот хам... Теперь меня же в чувство вины окунуть пытается?!

— Может, если бы вы ждали от меня не только задиранья подола, то что-то и разглядели бы? — фыркаю я, прежде чем обдумываю, хорошая ли это мысль — спорить с мужиком, которому я даже до плеча не достаю.

Секундная пауза, за которую перед моими глазами будто перед смертью проносится вся недолгая жизнь и он неожиданно отступает.

Мужчина собирает сброшенные до этого на пол вещи, небрежно надевает рубашку и прямо так, не застёгивая направляется к выходу. Туда, где у двери, зажимая травмированное его хваткой запястье, стою я. Нависает надо мной грозной скалой и сквозь зубы выдаёт:

— Кашу маслом не испортишь, а солью вполне. Сегодня ты пересолила, жена. Я больше не намерен смаковать безвкусный кусок пресного переваренного мяса.

У него настолько жуткое лицо, что я оставляю без внимания гастрономическую насыщенность его реплики и просто стою, боясь вдохнуть лишний раз.

Грубо оттолкнув меня, он выходит, а в воздухе повисает такое напряжение, что его можно ножом порезать.

Фух. Пронесло? Мой подол остался в приличном положении, я до сих пор не умерла, но всё же не покидает ощущение, что мой новоиспечённый муж ещё найдёт способ, как мне насолить.

Пресное переваренное мясо, пф. Он голодный что ли?

Голова начинает болеть, и я медленно плетусь к постели, чтобы рухнуть на неё и укрыться подушкой. Я точно не в себе. Упала в переходе и приложилась головой о ступени? Почему так плохо? И, главное, что за видения такие и когда они прекратятся? Может, я умерла?

— Не умерла, — констатирую, открывая глаза всё в той же спальне поутру.

За окном ярко светит солнце, дверь распахивается и в помещение довольно нагло заваливается незнакомая девица в простом сером платье и переднике с рюшами. Служанка?

— Проснулись? — интересуется, смиряя меня надменным взглядом. — Господин велел вам одеться и спустаться. Карету уже запрягают.

Эм... Он решил прикончить меня в более подходящем месте?

Брюнетка с собранными в тугой пучок волосами бросает на постель платье и по-хозяйски скрещивает руки на груди.

— Говорила я вам, что вы тут ненадолго. Что к хозяину подход нужен, а вы... нос от моих советов воротили. Думали, что одной только постели довольно. А к нему без щепотки специй можно не соваться. Вот и езжайте теперь подобра-поздорову, — кивает на одежду. Мол, давай, собирайся.

— Какой господин, такие и слуги, видимо, — бурчу я, глядя на неё исподлобья. — На еде помешанные.

— Эх, госпожа, госпожа! Жалко вас было, помочь хотела. Видать, зря, — машет рукой, будто потратила на меня своё драгоценное время впустую, и уходит.

Нервно сглатываю, бросая взгляд на зеркало. В нём на постели сидит уже знакомая мне, только теперь растрёпанная и бледная девушка. Я?

Странно так, смотреть в зеркало, а видеть не себя. Поднимаю руку, двигаю ей перед собой. Отражение повторяет, но... это точно не я. Бред.

И тут меня посещает мысль на миллион. Нужно просто ущипнуть себя посильнее, чтобы проверить сон это или нет. Если будет...

— Ш-ш-ш-ш! — шиплю, потому что боль вполне себе настоящая.

Так, без паники. Ирина Батьковна, соберись! Всему должно быть разумное объяснение, и мы (то бишь я и моё рациональное мышление) его непременно отыщем. А пока... одеться, умыться и на выход. Не хватало ещё, чтобы помешанный на еде хозяин этого места меня отсюда выволакивал.

Наспех привожу себя в порядок, обнаружив возле зеркала оброненную на пол расчёску. Натягиваю простое платье, с довольно откровенным, правда, вырезом, принесённое служанкой, и настороженно выхожу из комнаты.

Коридор, большая каменная лестница, ведущая на нижний этаж, и я оказываюсь в просторном холле, где меня и впрямь уже дожидается тот самый вчерашний «муж».

При свете дня он кажется ещё более мужественным и представительным. Должна признать, что дорогой камзол идёт ему куда больше, чем простая рубашка. Тем не менее лишний раз я стараюсь на него не смотреть, потому что прекрасно вижу, что скрывается под его одеждой. Воображение то и дело подбрасывало мне не самые скромные картинки.

— Явилась? Хватит мяться. Полежай в экипаж и поехали.

Может сейчас и не самое подходящее время, но я предполагаю, что лучше спросить поздно, чем никогда.

— Куда мы едем?

По лицу мужчины проносится тень злорадства.

— Вчера ты сказала, что мне нужно увидеть тебя с новой стороны? Прекрасно. Вот и покажешь себя во всей красе. Ты покидаешь мой дом. И у меня как раз есть подходящее место, где твои фантазии и выдумки могут пригодиться.

Глава 4

В экипаж я забираюсь, чувствуя себя так, будто я под дулом пистолета, хотя ничего такого у моего муженька не было. Во всяком случае, я не видела. Но угроза всё равно чувствуется.

На самом деле я вообще не против убраться от него подальше. Мне нужно время, чтобы понять, что случилось, как я тут оказалась и кто я теперь, а если рядом будет бегать страшно красивый муж, требующий задирать подол, ничего толкового я не пойму.

Старинный транспорт двигается с места. Признать честно, ждала, что он будет скрипеть и греметь, но всё кажется одновременно и старым и очень новым. Где-то подсознательно, я воспринимаю всё окружение не как новую реальность, а как дорогие декорации музея и вот-вот жду громкого окрика смотрительницы, угрожающий, что и моим правнукам придётся отдать душу, чтобы расплатиться за порчу такой красоты.

Стараюсь не смотреть на сопровождающего. Его присутствие и так ощущается почти физически: тяжёлое, давящее, как грозовая туча. Он вот не стесняется на меня смотреть, будто ждёт чего-то.

Надеюсь, не извинений и не предложений сделать всё по-быстрому и здесь.

Куда мы едем? Зачем? Вопросы вертятся на языке, но я прикусываю губу, решив хранить гордое молчание.

Чтобы отвлечься от гнетущей атмосферы, рассматриваю город за окном. Я, кажется, только сейчас начинаю осознавать реальность происходящего.

Волшебное место, словно сошедшее со страниц старинной книги сказок. Мы выезжаем с территории поместья. Нас тут же подхватывают мощёные булыжником улочки. Кажется, здесь конец зимы. Немногочисленные деревья стоят без листьев, но снега нигде не видно. А ещё тут на удивление чисто.

Экипаж въётся между домами с остроконечными крышами, украшенными причудливыми флюгерами. Окна-витражи играют всеми цветами радуги в лучах солнца и напоминая о приближающейся весне. На балконах, увитых плющом и диковинными цветами, развеваются разноцветные флаги.

Я на время забываю про мужа, имени которого даже не знаю, и прилипая к окну, любуюсь городом. Никогда не была за границей, но примерно как-то так я и представляла себе старый европейский город. Историческую его часть, только сейчас она не выглядит пустой и покинутой, а кипит жизнью. В этих домах не «когда-то жили», в них живут прямо сейчас.

Торговцы, стоя у своих прилавков, согреваются, потягивая горячие напитки из больших, похожих на пивные кружек. Когда подходят покупатели, они прячут их куда-то под прилавок. Закончив, делают глоток и перекрикиваются, расхваливая товары.

Запах свежей выпечки из пекарни смешивается с ароматом специй из лавки напротив. Невольно радуюсь, что понимаю местную речь. Наверное, это часть той магии, что перенесла меня сюда и превратила в Айрис.

Мысли снова возвращаются к ссоре с мужем, и я невольно бросаю на него взгляд. Сидит, небрежно откинувшись на бархатную спинку, но я вижу, как напряжены его плечи под дорогим камзолом. Его точёный профиль кажется высеченным из мрамора, такой же холодный и неприступный.

Когда мы выезжаем за городские ворота, и копыта лошадей начинают не стучать, а скорее шоркать по лесной дороге, молчание становится совсем невыносимым, и я, наконец, решаюсь нарушить тишину:

— Так куда ты меня везёшь?

Его губы изгибаются в надменной усмешке:

— Всё-таки соизволила заговорить? — небрежно поправляет манжету камзола. — Раз ты так жаждешь свободы, я решил предоставить тебе такую возможность.

В его голосе звучит что-то, заставляющее меня насторожиться. Надеюсь, он не бросит меня в лесу одну. В городе может и растаяло всё, но здесь весна ещё не вступила в права, так что снега хватает.

— И что это значит?

— У меня есть одна старая кондитерская на окраине Западного леса. Давно заброшенная, между прочим. Думаю, это идеальное место для такой своенравной жены, как ты. Поживёшь там какое-то время, подумаешь о своём поведении.

Он явно ожидает увидеть испуг или отчаяние на моём лице, но вместо этого видит плохо скрытое удивление, которое я всеми силами пытаюсь прикрыть маской спокойствия.

Нет, погодите, мне не послышалось? Он сказал «кондитерская»?

Это точно сон. Наверно я свалилась в том переходе, пробила голову и теперь лежу в коме, а мозг под лекарствами выдаёт нечто подобное.

Кондитерская, ага. Несуществующий муж вручает мне кондитерскую за то, что я ему не дала.

Боже...

Можно я не буду просыпаться? Мне нравится этот бредовый сон.

Осознав, что моя реакция не сходится с его ожиданиями, муж насмешливо шурит тёмные глаза:

— Пытаешься храбриться? Не волнуйся, я не настолько жесток, заберу тебя, как только попросишь пощады. Думаю, день-два в полном одиночестве в старом пыльном здании отлично прочистят тебе мозги.

— День-два? — я не могу сдержать язвительный смех. — Дорогой, я не просто выживу там, я превращу эту кондитерскую в лучшее заведение!

Он откидывает голову назад и хохочет, словно услышал отличную шутку:

— Ты? Избалованная аристократка? Да ты даже не знаешь, с какой стороны подходить к печи!

Мне становится обидно за настоящую Айрис. Мало того что ей по требованию приходилось задирать подол и терпеть колкости этого мерзавца, так он ещё и наказание придумал.

Никто не имеет права так обращаться с другим человеком. Этого мерзавца надо проучить.

— Хочешь поспорить? — слова вырываются прежде, чем я успеваю их обдумать. Кровь кипит от его снисходительного тона.

Красавчик подаётся вперёд, его глаза опасно сверкают:

— Спойть? Со мной? Как самонадеянно, дорогая, — он усмехается, обнажая белоснежные зубы. — Но я заинтригован. Какие будут условия?

— Дай мне три месяца. Если я сделаю кондитерскую успешной, ты отдашь её мне. И извинишься.

— За что?

— За своё поведение.

— А что с ним не так?

Он меня специально бесит?

В этот момент лес обрывается, и мы выкатываем на открытое пространство. Повернув голову к окну, я вижу пологий склон, укрытый снежной коркой, из которой торчат уцелевшие после зимы стебельки сорняков. У подножия раскинулось небольшое поселение, а сразу за ним — новый лес.

— Ладно, допустим. А если проиграешь? — в его голосе слышится рычащие нотки.

— Тогда... — я глубоко вздыхаю, — я стану такой женой, какой ты хочешь меня видеть покорной и безропотной.

Экипаж резко останавливается, отчего меня, не удержавшуюся на сиденье, буквально впечатывает в крепкую грудь супруга. Я бы даже сказала каменную. Он вообще человек? Судя по поведению и прочим признакам, больше походит на холодную статую. Чертовски привлекательную, но тем не менее.

Никаких вежливостей. Мужчина хватает меня за запястье, открывает дверцу и чуть ли не выволакивает из транспортного средства. Мы оказываемся перед двухэтажным зданием, и у меня перехватывает дыхание. Старая кондитерская... Некогда, должно быть, она была настоящим украшением деревни, об этом говорят остатки изящной лепнины под крышей и большие арочные окна. Но сейчас...

Облупившаяся штукатурка обнажает почерневшие от времени камни, стёкла затянуты паутиной, а над входом печально покачивается проржавевшая вывеска, на которой едва можно различить название «Лакомка».

— Твой новый дом, дорогая, — издевательски выдаёт мужчина и достаёт из кармана связку ключей. — Вот, держи. Кухня на первом этаже, наверху есть комнаты для проживания. Правда, не уверен, что там осталась хоть одна целая кровать.

— Как мило с твоей стороны так беспокоиться о моём комфорте, — я забираю ключи.

Его глаза опасно сверкают:

— Такая самоуверенность... Посмотрим, что от неё останется через неделю, — он делает шаг ближе, и я чувствую жар его тела. — Последний шанс передумать, Айрис. Попроси прощения сейчас, и мы забудем об этой глупой затее.

— Не дождёшься.

— Что ж, как пожелаешь. Домой попадёшь, только если “Лакомка” принесёт доход. Но что-то мне подсказывает, что приедешь ты не за моими извинениями, а чтобы стать покорной и безропотной... жена!

Он разворачивается и направляется к экипажу. У дверцы останавливается:

— Ах да, совсем забыл. В погребе, кажется, завелись крысы. Большие. Приятного соседства, дорогая!

Я смотрю, как экипаж скрывается за поворотом, унося с собой моего самодовольного мужа. Потом поворачиваюсь к своей новой кондитерской и понимаю, что, возможно, он прав. Я очень поторопилась, поспорив с таким человеком, как мой новоявленным муж, даже не взглянув на это место.

Но теперь уже поздно.

Глава 5

На меня тёмными стёклами давно немытых окон взирает явно заброшенное здание. Судя по всему, даже когда кондитерская ещё работала, её внешним видом никто не занимался. Немудрено, что от неё были одни убытки. Так же сказал мне супруг?

В очередной раз досадую, что даже имени его не спросила, но что уж теперь?

Входная дверь тоже не добавляет оптимизма. Замок-то щёлкает бодро, но ручка ни в какую не хочет проворачиваться. Дёргаю, кручу, пинаю деревянную преграду, но всё без толку. И тут до меня доходит, что войти можно не только через дверь. Окно рядом с ней выбито, на земле тысячами осколков разбросаны разноцветные кристаллики стекла. Расположен обнаруженный мной альтернативный «вход» не очень высоко. Поэтому недолго думая, подбираю юбку платья и карабкаюсь внутрь.

Спрыгиваю с подоконника, цепляясь за остаток рамы, и слышу характерный треск ткани. Кажется, платью конец. Осматриваю юбку и вижу огромную дыру.

— Ты поедешь на бал, Золушка, но для начала... — вспоминаю строки из когда-то любимой детской сказки. — Хотела, Ирочка, в молодые годы по заброшкам погулять, пожалуйста! Мечтала стать кондитером? Вот тебе личная лавка сладостей. Только сделай из неё что-то более-менее приличное для начала. Ах да, нет у тебя на это ни денег, ни знаний, ни даже личных вещей, — бурчу, обходя первый этаж по периметру.

На улице день-деньской, поэтому видно всё хорошо. И понятно, почему не открылась дверь: её изнутри подпирает упавшая с потолка перегнувшая балка.

— Зато заряд энтузиазма неисчерпаемый, как говорил мой начальник Пал Иванович, — обречённо вздохнув, заключаю я.

Стою посреди большого торгового холла с витринами, столиками и множеством полок. Стены в помещении из добротного деревянного среза, то тут, то там опорой крыше служат огромные мраморные колонны.

На потолке висят люстры, свечные, но словно нетронутые временем. Медный сплав, из которого они сделаны, совершенно не окислен и выглядит так, будто их только что подвесили под потолок, который тоже, кстати почти не пострадал. Лишь одна балка и упала. Та самая, что подпирает теперь дверь.

А вот полы... оставляют желать лучшего. Даже если когда-то они и были выложены мозаикой, то теперь это было сплошное месиво из грязи и глины, под которым едва ли угадываются очертания прежней роскоши.

В конце помещения имеется огромное окно чуть ли не во всю стену. Там же, в углу замечаю дверь, ведущую в соседнее помещение. Добротная, деревянная, резная.

За ней вход в кухню и лестница в подвал. Вспоминаются слова мужа:

— В погребе, кажется, завелись крысы. Большие. Приятного соседства, дорогая!

Желудок предательски бурчит, напоминая, что я со вчерашнего ничего не ела. Стою у входа в огромную пустую кухню, в которую даже зайти страшно и руки опускаются. Как я должна сделать из этого места прибыльное заведение, если даже поесть себе приготовить не могу в таком-то бедламе?

Ну уберусь я тут и что дальше? Где я продукты возьму? Нет, не так. Где найду денег на их покупку? Куда за ними идти? Что это вообще за место и какие тут законы?

Хорош муж! Бросил в захолустье без вещей, без денег. Но он не учёл одного: я не его жёнушка, а наши бабы так просто не сдаются. Засучила бы рукава, но на этот раз живот сводит болезненным спазмом.

В полном отчаянии возвращаюсь в торговый зал и вижу на одном из столов с большими пыльными стеклянными подставками для тортов пару старых листовок. На них аккуратным красивым почерком выведено: «Лакомка», частное торговое заведение А.Хангера.

Протягиваю руку, чтобы взять брошюру и рассмотреть поподробнее, как вдруг где-то в глубине здания раздаётся металлический грохот.

— Кто здесь? — спрашиваю скорее машинально, чем осознано. — А ну выходи!

Озираюсь в поисках хоть чего-то, что можно было бы использовать для защиты, но, как назло, ничего не могу найти.

Грохот повторяется, уже ближе, и это пугает.

— Предупреждаю! Я больно кусаюсь! — зачем-то выдаю я, понимая, что отбиваться мне нечем.

— Я тоже, — слышу тоненький писклявый голосок. — Но предпочитаю всё же этого не делать, — продолжает невидимка, который, судя по громкости, приближается.

Я отчётливо слышу, как по полу кто-то или что-то бежит. Звук такой странный, похожий на перебирание по паркету лапками бигля или какой-то другой некрупной собаки.

— Добро пожаловать в наш мир, Ирина, — раздаётся уже совсем рядом, вынуждая при-смотреться.

Мне не показалось. Я отчётливо слышу голос, но не вижу перед собой человека. Да и звуки эти... Отступаю на пару шагов, не понимая, что происходит.

— Не бойся, говорю же, не кусаюсь я без причины, — замираю, так как мне кажется, что перемещение в другой мир не самое абсурдное, что со мной произошло. Я ещё и голоса слышу всякие.

— Эй! Хватит паниковать. Всё хорошо. Вдох-выдох. Я на тумбе возле окна. Видишь? — невидимка пытается меня успокоить.

Раз не набросился, то, может, всё и не так ужасно?

— Ты кто? — решаюсь всё-таки вступить в диалог. — Дух? Призрак или...кры-ы-ы-ыса-а-а-а! — отскакиваю словно кипятком ошпаренная, замечая совсем рядом огромное усатое существо.

Руки трясутся, меня прошибает холодный пот. Бежать некуда, у единственного выхода из помещения (окна, через которое я попала внутрь) сидит это шерстяное зубастое нечто и лупит на меня свои глазёнки.

— Ну вот, опять испугалась. Не ори ты так. В этом мире ты должна меня понимать. Кивни, если это так, — не верю ни своим ушам, ни глазам, но крыса разговаривает!

На автомате киваю, хватаясь за голову. Я спятила. У меня какое-то серьёзное психическое расстройство. Другой мир, мужик-грубиян, правда красавец, заявляющий, что он мой супруг, Богом забытая кондитерская лавка, а теперь ещё и грызун! Где тут указатель «Выход»?

Решаю прислушаться к совету существа и делаю пару глубоких вдохов-выдохов, не сводя с него взгляда. Оно тоже сидит неподвижно, позволяя себя рассмотреть. И тут меня осеняет: это та же самая животина, которая бросилась на меня в переходе, провоцируя падение, после которого я оказалась в этом сюре. Говорят же, что у страха глаза велики. Так и я, запомнила её как последнее, что видела в своей брэнной жизни.

Таких усатых и жирных мне встречать не доводилось. Да, видела как-то на помойках пару-тройку, но те все были костлявые, ободранные, а эта...на редкость упитанная и холёная. Будто и не крыса вовсе, а чей-то домашний питомец. И усы...как у Якубовича, прости Господи.

Вспоминаю известного телеведущего и все те вкусности, которые ему приносят в подарок на передачу, и живот снова сводит, да так, что я сгибаюсь пополам, а предательское бурчание эхом отразилось от стен пустого помещения.

— Голодная? Что же тебя муж-то не накормил? — уточняет грызун.

Про себя отмечаю, что ему многое известно обо мне и, главное — он знает о супруге Айрис. Меня по имени назвал.

— А, ладно! Идём, покормлю тебя, так и быть! А после поговорим о своём, насущном, — мохнатое нечто машет лапкой, мол, давай за мной.

Я же, находясь в полном шоке оттого, что меня собралась потчивать крыса, понимаю, что в данный момент он — мой единственный источник информации и... делаю шаг навстречу.

Глава 6

— Не так страшно, да? — отмечает крыса. — Ты же додумалась ничего не говорить Ардэну?

— Кому?

— Мужу твоему, — грызун наклоняет голову к «плечу».

Такой человеческий жест, что становится даже страшно. Он сочетает в себе что-то звериное и человеческое. Мозг, конечно, пытается построить какие-то логические связи, но при виде всего этого кажется, что я просто свихнулась.

— Нет, не рассказывала, — отвечаю на вопрос. — Не довелось как-то. А что?

— Ничего. Тебе и не нужно рассказывать. Проблемы будут.

— Какие проблемы? Объясни.

— Ты хочешь объяснений или закрыть базовые потребности? — крыс упирает лапки в бока. — Я так и думал. Идём.

И спрыгивает со стола. Мне не остаётся ничего другого, кроме как пойти за ним в дальнюю часть дома, где у кладовки обнаруживается закрытая на задвижку дверь, отперев которую я оказываюсь на заднем дворе. Хорошо, что сейчас не лето, травы было бы... выше дома, наверно.

— И всё же объяснения мне не помешают, — осторожно замечаю я. — Как минимум начать с того, почему мы с тобой... разговариваем.

Крыса вальяжно топаёт по заросшей дорожке вокруг кондитерской. Не то чтобы я часто видела крыс, но этот ведёт себя так, будто он как минимум хозяин этого посёлка.

— Меня зовут Якуб, — наконец объявляет зверёк. — Я живу здесь уже... хм... довольно давно.

Я моргаю несколько раз, пытаюсь осмыслить происходящее. В конце концов, я уже поняла, что это какой-то не мой мир, так почему бы здесь не быть и говорящим крысам? Решаю вести себя как можно естественнее.

— Приятно познакомиться, Якуб. Я... эм... новая хозяйка этого места.

— Знаю-знаю, видел, как тебя привез напыщенный ящер, — Якуб останавливается и почесывает за ухом маленькой лапкой. — И судя по тому, как громко урчит твой желудок, ты не догадалась захватить с собой провизию?

Ага, прям у меня столько возможностей это делать было. Неловко улыбаюсь и развожу руками.

И... Ящер? Ладно, пока сделаю вид, что меня ничего не беспокоит. Истерика не конструктивна.

— Сейчас покажу одно место. Тут недалеко есть таверна «Петух в яблоках» хозяйка добрая, всегда подкармливает бездомных котов. Если поспешим, успеем к раздаче остатков с кухни.

Я колеблюсь. С одной стороны, выпрашивать объедки, тем более у котиков. Якуб явно мыслит сейчас как зверь. Тем более животное, для которого объедки — обычный рацион. С другой — желудок сводит от голода, а иных вариантов я пока не вижу.

Надо как-то иначе это сделать. Может, если я предложу хозяйке помыть у неё посуду или ещё что, то смогу попросить нормальный ужин?

— А почему ты решил мне помочь? — спрашиваю осторожно. — Чего вообще хочешь? Якуб оборачивается, его темные глазки поблескивают в полумраке:

— Скажем так, мне кое-что от тебя нужно.

— Что же?

— Узнаешь позже. На самом деле наши цели лежат рядом, так что пока ты воплощаешь свою, я получу свою.

Врёт и не краснеет. Хотя под шерстью и не видно будет. Наверно.

— И какая же у меня цель?

— Сделать из этого места процветающее заведение, конечно же. К тому же — он хитро подмигивает, — возрожденная кондитерская — это же целое море возможностей для такого ценителя сладостей, как я.

— Ну конечно, — не могу сдержать улыбку. — Значит, у тебя корыстный интерес?

— Конечно! Я же крыса, а не благотворительная организация, — фыркает он.

Поселение настолько маленькое, что здесь буквально одна улица. Мы обходим дома дворами и огородами, пока не добираемся до одного из самых больших. Я различаю добротное двухэтажное здание, из окон которого льется теплый свет. Аппетитные запахи жаркого и свежего хлеба заставляют мой желудок страдальчески сжаться.

— Тсс, сюда, — Якуб юркает за пустые бочки, и я следую за ним. — Видишь этих наглых мурлык? Сторожат черный ход, как настоящие стражники.

Действительно, возле кухонной двери дремлют два упитанных кота. У меня они вызывают скорее чувство умиления, сложно видеть в них конкурентов за еду.

— И что теперь? — шепчу я, присаживаясь на корточки за бочкой.

— Сейчас хозяйка выйдет выбросить остатки. Я отвлеку котов, а ты... Постой, куда?! — Якуб возмущенно шипит, когда я поднимаюсь и отряхиваю платье.

— Пойду поговорю с ней. Может, предложу помощь на кухне в обмен на ужин.

— Эй, подожди! В таком виде ты её только напугаешь!

Я не придаю значения его словам. Я ж не двухметровый патлатый мужик, который, едва рот откроет, заставляет думать, он тебя сожрать хочет или прибить.

В этот момент дверь таверны открывается, и на пороге появляется молодая женщина с большой миской, где, по всей видимости, лежат угощения, потому что коты тут же подсакивают на лапы. При виде меня она застывает как вкопанная.

— Добрый вечер, — начинаю я как можно дружелюбнее, делая шаг вперед. — Я хотела спросить...

— А-а-а! — женщина роняет миску, пугая котов, и бросается обратно в дом. — Помогите!

Эм... Чего, блин?

— Нет, постойте! Я не... — захлопнувшаяся дверь обрывает мои оправдания.

— Я же говорил, — ворчит за спиной Якуб. — Теперь жди неприятностей. Уходим!

Как будто в подтверждение его слов, дверь распахивается снова. На пороге стоит та же женщина, но теперь в её руках внушительных размеров сковорода, а за спиной маячит дюжий детина с кочергой наперевес.

— Ни с места! — голос хозяйки дрожит, но сковороду она держит решительно. — Джек, хватай её!

Господи боже мой, как мы вообще к этому пришли?!

— Пожалуйста, выслушайте меня! — я поднимаю руки, пытаюсь как-то исправить ситуацию. — Я новая хозяйка кондитерской. Просто хотела предложить свою...

— Врешь! — сковорода угрожающе приподнимается.

Глава 7

Чувствую, как ко мне пробегает Якуб.

— Крыса! — визжит хозяйка, запрыгивая на ручки детины.

Тот роняет кочергу и тоже озирается, не понимая, куда бы запрыгнуть ему.

— Беги! — командует Якуб, и я, не раздумывая, бросаюсь прочь.

Сердце колотится как безумное, когда мы с Якубом несемся той же дорогой обратно к кондитерской. Только оказавшись в безопасности на территории своего двора, я перевожу дух.

— Ну что, довольна дипломатическим подходом? — ехидно интересуется Якуб, отряхивая шерстку.

Я сползаю по стене, закрывая лицо руками:

— Боже мой. Что это вообще было?!

— Это маленькое поселение. Если ты заходишь не с парадного, да ещё и выглядишь как бездомная в рваной юбке, что им остаётся думать?

— И что? Теперь все будут считать меня какой-нибудь грабительницей?

— Не все только половина, — утешает Якуб. — Вторая решит, что ты сумасшедшая. Кстати, у меня есть идея получше насчет ужина...

Я со стоном откидываю голову назад. Кажется, этот день может стать еще хуже. И почему я не послушала говорящую крысу?

«Беру свои слова назад. Лучше б не слушала,» — думаю, продираясь сквозь голые ветви каких-то кустарников и стараясь ступать там, где посуше.

Под ногами сплошное месиво из подтаявшего снега, перегнивших листьев и прошлогоднего мха, по лицу то и дело норовит лупануть какой-нибудь прут, а впереди бодро скачет задорная усатая крыса, маня меня за собой своими маленькими когтистыми лапками.

— Ну же, шевелись, мужнина жена! Почти пришли! — слышу и понимаю, что чем дальше, тем менее удачной мне кажется идея грызуна отправиться в лес и найти его «заначку». — Вон в том дубе! Видишь дупло?

— И что? — недоумеваю.

Тащусь за Якубом в лес, который с каждым десятком метров всё гуще, деревья выше, а их стволы толще.

— В нём я как-то спрятал каштаны. Много. Даже тебе хватит, чтобы насытиться. Знал, что рано или поздно настанет чёрный день. Не думал, правда, что так скоро, — крыса подбежала к толстеному дубу, в котором на высоте в полтора моих роста действительно виднелось большое дупло. — Если не любишь сырые, то можно и пожарить. С солью они знаешь какие вкусные получаются, м-м-м-м!

Не могу не согласиться. Каштаны я ещё с детства люблю. Печёные с дымком они чудо как хороши.

— Давай, полезай. Достанешь их, поедим. Меня же угостить не забудешь? — интересуется усатый, а я понимаю, что ствол совершенно гладкий и взобраться на него просто не представляется возможным. Да и юбку по самое не балуйся придётся задрать, чтобы проявить чудеса сноровки.

— Не-е-е-т! Я не могу. Высоковато, — развожу руками, а сама всё же ищу хоть что-то, что можно было бы использовать как подставку, чтобы попробовать дотянуться до дупла. Пенёк вполне бы сошелся.

Но, как назло, вокруг нет ни одного упавшего дерева. Да и зябко уже. Не пять минут ходим, а одежды на мне не то чтобы много.

— Эх, и всё-то мне самому за тебя делать надо, — досадует Якуб и начинает карабкаться вверх по стволу.

Медленно, но довольно ловко, цепляется лапками за выступы в коре дуба, виснет на них как заядлый акробат и забавно побряхтывает.

Я же настолько увлечённо за ним слежу, что не обращаю внимание на хруст веток неподалёку. И только когда он повторяется совсем близко, вздрагиваю и оборачиваюсь.

— Ты кто? — слышу низкий бархатистый голос, обладатель которого стоит прямо передо мной.

Взгляд упирается в крепкую грудь, просто одетого...парня? Мужчины? Приходится задрать голову, так как ростом незнакомец превосходит меня знатно. Меня заинтересованно разглядывает молодой зеленоглазый блондин со смешными ямочками на щеках и доброй улыбкой. Уже одно это не пугает, а располагает к нему. А ещё то, что лапать меня он не торопится, а будто изучает и действительно ждёт ответа.

Был бы разбойником, наверное, уже стрёб бы в охапку. Я же тут одна. Крыса не в счёт.

— Хозяйка, — полушёпотом полуписком выдаю я.

— Леса что ли? — спрашивает парень и заходится смехом, а я понимаю, что сморозила.

— Нет, «Лакомки», — спешу исправить свою оплошность.

— О! Пожаловали-таки? Я уж думал её так и не откроют больше. Значит, ты повариха? — почесал затылок незнакомец.

— Я, эм, кондитер. Почти, — ответила, тоже разглядывая парня.

Крепкого телосложения, но одет просто. Может сынок какого-нибудь плотника или мельника? Не похож на того детину, что вышел вслед за своей матерью-кухаркой и напугал меня до чёртиков. Этот как-то добрее что ли.

— Меня Греем звать. А тебя? — блондин протянул мне свою крупную мозолистую ладонь.

— Ир... то есть Айрис. Очень приятно, — всё же с небольшим недоверием вложила свою руку в его.

— А тут чего ж забыла? Одна в лесу. Не страшно?

И мне стало страшно. Потому что я действительно стою одна посреди чащи в обществе неизвестного мне парня, и если ему взбредёт что-то в голову, спасти меня просто некому. Якуб с ним при всём желании не справится.

— Пришла за каштанами, — решаюсь сказать правду. — Так есть хочется, а в лавке пока пусто. Решила испечь их и заодно варенье сварить.

Стоит упомянуть сладкое, как парень буквально меняется в лице и нервно сглатывает.

— Варенье? А ты умеешь? — в его зеленых глазах загорается огонёк любопытства.

— Да.

— Матушка моя очень его любила, — голос блондина становится тише, а сам он как-то поникает, будто вспомнил что-то.

И тут, словно по заказу, раздаётся какой-то стук, шмяк, и мне под ноги из дупла начинают падать те самые каштаны, о которых говорил Якуб.

— Принимай товар, хозяйка! — пищит грызун, на что незамедлительно реагирует Грей, хватая меня за запястье и задвигает себе за спину.

— Крыса? — приглядывается к моему мохнатому помощнику.

— Не тронь его, пожалуйста, это мой друг, — не зная, какой будет реакция местного, дёргаю блондина за рукав.

— Друг? Может ты и правда хозяйка леса, раз с такой тварью водишься? — непонимающе смотрит на меня парень и недовольно хмурит брови.

Ну вот, подумал, что я ведьма какая-нибудь. Бежать от него или всё же пригласить помочь сварить варенье?

Глава 8

Обратный путь из леса кажется намного короче. Наверное, потому что теперь нас трое. Грей идёт впереди, расчищая дорогу своими широкими плечами, я следую за ним, прижимая к груди узелок с каштанами, а Якуб то забегает вперёд, то отстаёт, постоянно что-то комментируя.

Он успел объяснить мне, что слышу его только я. Это как-то связано с тем, что я не настоящая Айрис, и, разумеется, пополняет и без того немаленький список моих вопросов к этому миру. Но, немного подумав, я принимаю, что это весьма полезная особенность. Я довольно быстро понимаю, что мне не обязательно говорить вслух, чтобы Якуб меня услышал. Так можно будет обсудить что-то или спросить совета в непростой ситуации.

А таких, с учётом всех обстоятельств у меня будет предостаточно.

День переваливает к вечеру, так что когда мы выходим на окраину поселения, в окнах домов уже теплится свет. Кондитерская встречает нас тёмными провалами окон и какой-то особенной, величественной даже в своём запустении, тишиной.

— Пришли, — я показываю на перекосившуюся входную дверь. — Пойдём с чёрного зайдём. Здесь балка, не открыть.

Грей пожимает плечищами и идёт за мной. Я обвожу его вокруг лавки, стараясь не думать о том, что не очень-то разумно вести в свой дом того, кто чуть ли не вдвое шире и ему ничего не стоит просто шею мне свернуть. Успокаивает только то, что ему незачем это делать. У меня ж ни денег, ни ценностей. В лавке, наверняка, всё, что можно было вынести, давно стащили.

Когда мы попадаем в дом, Грей внимательно осматривает преграду и проводит рукой по потемневшему дереву.

— Хм, не так плохо, как могло быть. Думаю, справлюсь быстро. У тебя есть какие-нибудь инструменты?

— Не знаю. Я только сегодня приехала, — кошусь на Якуба.

— В подсобке посмотрю, — объявляет Грей.

Он ориентируется в кондитерской куда лучше меня. Быстро находит всё необходимое: молоток, пару клиньев, какие-то ещё инструменты, названия которых я не знаю. Выглядит так, будто знает, что нужно делать.

Я решаю, что пока он тут возится, я хоть на кухне приберусь, чтобы можно было готовить. Якуб бежит рядом, его коготки цокают по деревянному полу.

— Надеюсь, печь ещё работает, — бормочу я, осматривая помещение.

Кухня встречает нас гулкой пустотой. Массивная печь занимает почти всю стену, рядом потемневший от времени стол, несколько полок с посудой. Всё покрыто толстым слоем пыли.

Якуб подсказывает мне, как развести огонь в печи. С его командами получается с первого раза, я даже сама удивляюсь. Уже боялась, что придётся звать на помощь Грея, который чем-то стучит в общем зале.

Раскладываю каштаны на две кучки, внимательно осматривая каждый орех. Якуб хорошо их хранил, все целые, без следов плесени или червоточин.

— Ты знаешь, что нужно делать?

— Да. Сначала надрежу скорлупу, — объясняю я своему любопытному помощнику, который внимательно следит за каждым движением. Беру острый нож и аккуратно делаю крестообразные надрезы на каштанах. — Иначе они могут взорваться при жарке.

Печь уже хорошо прогрелась. Достаю с полки старую чугунную сковороду, тщательно протираю её и ставлю прогреваться. Первую партию каштанов для жарки раскладываю на раскалённой поверхности. По кухне сразу разносится характерный треск и восхитительный аромат.

— Нужно постоянно их переворачивать. — отмечаю я, орудуя деревянной лопаткой. — Чтобы прожарились равномерно.

Мне сильно везёт тем, что в кондитерской имеется что-то наподобие колонки, из которой я добываю воду. Запах у неё немного застоявшийся, но, думаю, после кипячения всё будет в порядке.

Стук со стороны входной двери становится громче, и я слышу, как Грей что-то бормочет себе под нос. Улыбаюсь. Несмотря на все сегодняшние злоключения, сейчас я чувствую странное умиротворение. Может быть, потому что впервые за весь этот безумный день я не одна?

Ставлю на огонь котелок. Вторую часть каштанов нужно сначала отварить, чтобы легче снималась кожура. Когда вода закипает, осторожно опускаю орехи.

— Мм, как вкусно пахнет! — Грей появляется в проходе, вытирая вспотевший лоб. — С дверью закончил, осталось только петли подправить.

— Присаживайся, — киваю я на старую лавку. — Жареные почти готовы.

Снимаю готовые каштаны со сковороды. Скорлупа потрескалась, обнажая золотистую мякоть.

— Осторожно, горячие, — предупреждаю, но Грей уже ловко очищает один каштан и отправляет в рот.

— Вкусно!

Якуб тоже получает свою долю, аккуратно держа горячий орех передними лапками. А я уже занимаюсь вареньем.

Варёные каштаны очищают от скорлупы и тонкой кожицы. Работа кропотливая, но медитативная. Мякоть измельчаю и перекладываю в другой котелок, добавляю сахар, который, к счастью, Якуб нашёл в кладовой. Его мало и пришлось просить Грея отколоть кусок, потому что он сильно слежался, но главное, что вообще есть.

Только попав сюда я начинаю понимать, как много всего на самом деле я воспринимала раньше как должное. На моей кухне всегда был сахар. Сливки, яйца и масло да, заканчивались, но сахар — никогда. Как и мука. Я воспринимаю их как должное.

Сейчас повезло, но я остро чувствую, что припасы нужно начинать искать сейчас.

Чёртов муженёк! Как он думает я здесь заработаю?! Здание продам?! Козёл.

Чтобы ничего не сломать, сосредотачиваюсь на варенье. Нужно удерживать его на медленном огне, постоянно помешивая, чтобы не пригорело. Учитывая, что у меня тут необычная плита, на которой можно выставить температуру и расслабиться, задача получается со звёздочкой.

Комната наполняется сладким ароматом карамелизирующихся каштанов. В печи потрескивают поленья, за окном сгущается ночь, а мы сидим на старой кухне и наслаждаемся теплом, уютом и необычным угощением.

Я улыбаюсь своей сентиментальности, продолжая помешивать варенье. Первые жареные каштаны, варенье, первые гости... Может быть, судьба не зря привела меня именно сюда?

Варенье медленно густеет, приобретая красивый янтарный оттенок. Когда капля, упавшая на блюдце, застывает, не растекаясь, понимаю, что готово. Осторожно переливаю в найденную розетку.

— М-м-м! Как мамино! — комментирует Грей, который не стал дожидаться, пока остынет угощение и зачерпнул прямо из котелка лопаткой.

Довольно облизывается как кот, нашедший сметану, и улыбается такой искренней детской улыбкой, что я невольно задумываюсь о том, сколько парню лет. Судя по поведению, совсем ещё подросток, а на вид уже завидный жених.

— Не зря решил помочь, — заключает он. — Идём, работу примешь, — поднимается с места и манит меня в зал.

А там...

Балку он и правда убрал. Теперь она аккуратно пристроена у разбитого окна, через которое я попала внутрь, хоть как-то перекрывая вход в лавку.

— Прибраться надо, — замечает Грей. — Окна заменить, но это я могу завтра. К плотнику схожу, посмотрим, что можно сделать.

— Завтра? — переспрашиваю я.

— Ага. Сейчас-то поздно. На боковую пора. Где тут у тебя спальня?

— М-м-м, — мозг отказывается помогать мне выстраивать логическую цепочку. Это он намекает на то, чтобы улечься вместе?

Мне же показалось, да?

Глава 9

— Чего мычишь как бурёнка? — недоумевающе смотрит на меня парень. — Или правда хотела одна в заброшенной кондитерской ночевать? Да к тебе влезут на раз-два, пискнуть даже не успеешь. А я хоть покараулю.

Логично. А я и не подумала, что если он уйдёт, останусь совсем одна. Киваю, вспоминая слова мужа о спальнях на втором этаже, и указываю Грею на потолок.

— Вроде как там, но я ещё сама не поднималась. Не знаю, что к чему, — честно признаюсь и передаю ему зажжённую свечу, которую прихватила с кухни.

— Так пошли. Заодно проверим, в каком состоянии лестница. Не прогнили ли ступени. Если меня выдержит, то тебя и подавно, — спокойно говорит парень и идёт к двери в конце зала, за которой находится лестница на второй этаж.

Добротная такая из крепкого дуба, отделанная лаком и узорной резьбой. Я будто не в кондитерской нахожусь, а в каком-то дорогом особняке времён ренессанса. На стене висят светильники со свечами, в которых Грей зажигает по одной, чтобы можно было видеть, куда ступать.

На втором этаже и впрямь обнаруживаются несколько комнат для работников кондитерской и управляющего. Грей тут же выбирает себе ту, что ближе к лестнице, отдаёт свечу и желает доброй ночи. Стало быть, в одной постели со мной спать не собирается, что уже хорошо.

— Сплю я чутко. Если кто-нибудь залезет, услышу. Другого входа на второй этаж нет. Мимо меня и мышь... — косится на Якуба, который прячется от парня в складках моей юбки. — не проскочит. А меня ты не бойся. Знаю я кто тут хозяин, и неприятности мне не нужны. Помочь помогу, и только. Спи спокойно, завтра дел много у нас будет. В деревню провожу тебя.

— Спасибо. Я непременно отплачу тебе за помощь, — искренне благодарю нового помощника, но всё же выбираю себе комнату в дальнем конце коридора.

— Это покои управляющей. Самые большие, — пищит грызун, следующий за мной по пятам. — Там и одежда сменная имеется, и бельишко постельное, — поражает меня знанием предметов первой необходимости.

И оказывается прав. В спальне действительно обнаруживается шкаф с чистой одеждой, местного пошива, на пару размеров больше, чем моё платье, но хоть не рваньё или съеденное молью старьё. И судя по этому, люди жили тут и после того как кондитерская закрылась. Может, идти было некуда или просто привыкли. Но теперь-то точно никого не осталось. Только аккуратно сложенное постельное бельё, несколько простых платьев на разную погоду, пушистая шаль да чепчики.

На постели обнаруживается тёплое покрывало, подушка без пододеяльника, а на столике возле подсвечник, в который я тут же ставлю свою восковую помощницу.

— Могу на стрёме постоять, — пищит крыса, перебирая лапками возле двери и не решаясь войти. — А ты переоденься пока.

Само собой, я не сразу бросаюсь выполнять указание Якуба. Обхожу комнату, осматриваюсь. Выглядываю в окно, которое тут, кстати, было целёхонько, только ветер с улицы задувал знатно. Но наличие покрывала грело душу. Замёрзнуть за ночь не должна была.

«В крайнем случае двухметровая грелка в спальне возле лестницы имеется», — грешным делом, думаю я.

Прислушиваюсь к каждому шороху, но за дверью тишина. Только слышно, как где-то далеко в деревне на привязи лает собака, да шумит ветер на улице.

Решаюсь всё же сменить изодранное платье на чистую, хоть и большеватую мне, но пахнущую лавандой (которой заботливо переложено всё бельё) ночнушку и застилаю постель выглаженными простыней и наволочкой.

Тушу свечу и забираюсь в постель, кутаясь в тёплое покрывало.

— Долго же ты возилась. Сказал ведь, что постою на стрёме. Хотя можно было и не усердствовать. Дитина этот храпит как конь, аж уши закладывает, — бурчит крыса, подбегая к кровати и явно собираясь запрыгнуть ко мне.

— Эй! Погоди-ка! — осаживаю грызуна. — Не вздумай ко мне в постель свою грязную шерстяную тушку укладывать. Ты крыса или кто? Ложись вон, на коврик, — киваю на сброшенную тут же юбку, нуждающуюся в починке. — Не привыкла я, знаешь ли, с такими волосяными кровать делить.

— Это ты своему ящеру скажи, — недовольно морщит нос Якуб, но всё же устраивается на полу. — Вот уж кого постричь не мешало бы. И когти укоротить...

Второй раз за сегодня слышу странную кличку, которую крыс дал супругу Айрис, мысленно обещаю себе непременно спросить его об этом завтра и закрываю глаза, чтобы постараться уснуть.

Да только тут же распахиваю их на уже знакомой мне постели в спальне супруги того самого ящера в его же компании. Снова наблюдаю за тем, как Ардэн Хангер избавляется от лишней одежды и бросает на меня «голодный» взгляд. Но на этот раз мне не страшно, я понимаю, что это сон. Ведь не может же он на меня так смотреть после всего что было? Да?

Зато у меня точно нет ни причин, ни повода отвести взгляд. Смотришь на этого мужчину и понимаешь: ты точно не в реальности. Потому что у нас такие, как он, обитают только на страницах книг или в фильмах. Простым смертным вроде меня не встретить.

Его тело напоминает статую гениального скульптора, в совершенстве знающем анатомию. Гладкая кожа, ловящая блики свечей, вызывает желание прикоснуться, убедиться, что он не плод воображения, а действительно существует.

Когда видишь его, сразу чувствуешь себя маленькой и слабой, но совершенно этого не боишься. Как будто знаешь где-то в подсознании, и абсолютно уверена, что бояться должны только те, кто решит навредить тебе. Становится очень легко и одновременно грустно, словно я только сейчас осознавала, насколько сильно нуждалась в этом чувстве.

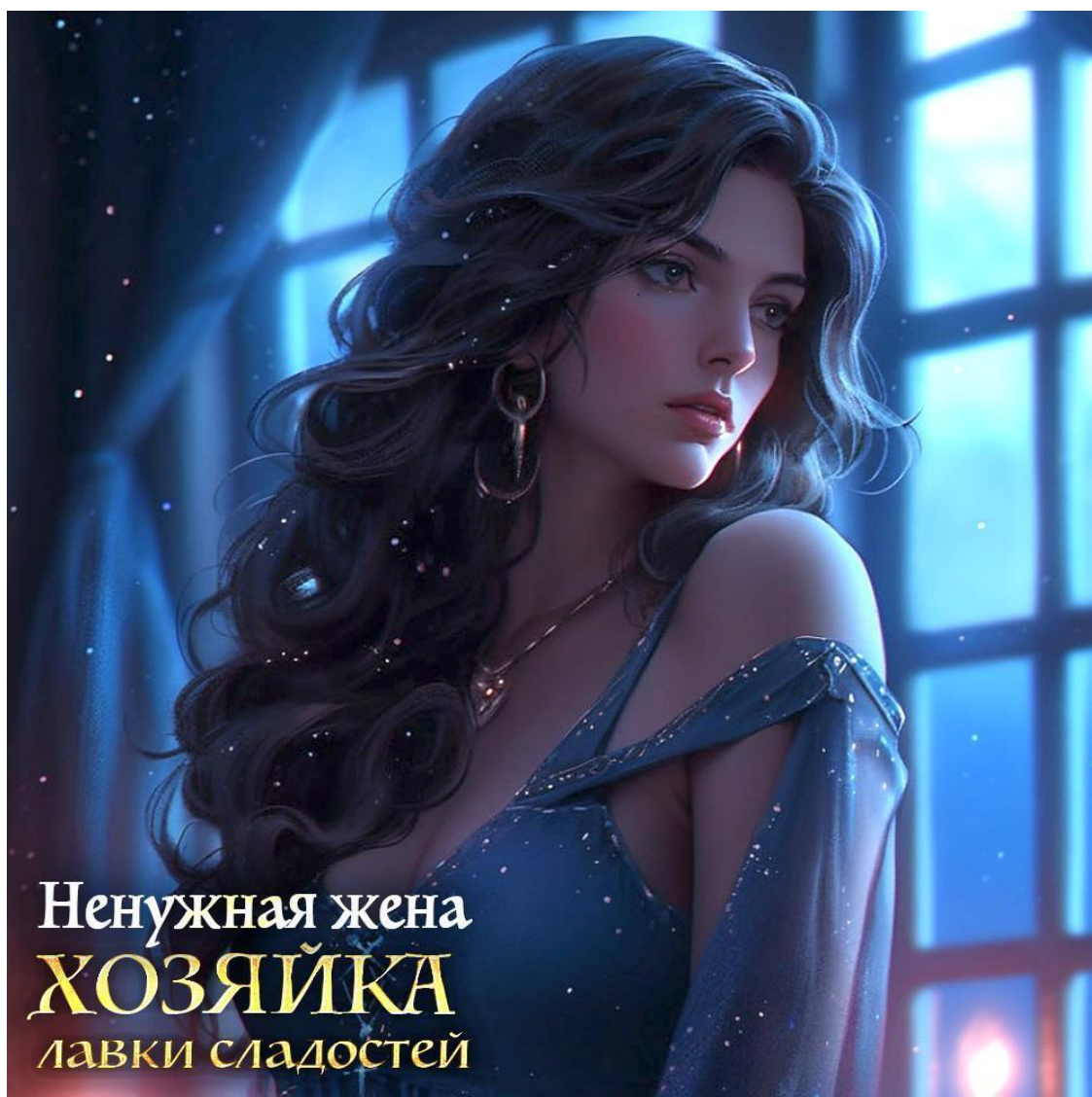
Карие глаза заглядывают прямо в душу, по телу пробегает не то что волна, толпа мурашек и хочется... просто хочется.

Только заканчивается всё так же внезапно, как началось. Я вскакиваю на постели, тяжело дыша, руки трясутся, а на душе такая пустота, что единственное, о чём я могу думать — кто в этом виноват, и как бы мне её заполнить.

«Да просто есть надо больше. Что мне пара печёных каштанов за весь день? Ничего! С голодухи чудится всякое, знамо дело».

На полу тихонько посапывает пузатая крыса, в здании стоит такая тишина, что слышно каждый шорох. Ну нет! Спать мне резко перехотелось, поэтому я решаю зажечь свечу и выглянуть на улицу. Ведь только мельком посмотрела, ничего толком и не заметила.

Поднимаюсь и иду к окну. А там, насколько видно взору, простирается густой тёмный лес. Про такие мы в детстве страшилки рассказывали: в чёрном-причёрном лесу, на чёрной-пречёрной поляне стоит чёрный-пречёрный...

В общем, жутко. Но внимание моё притягивает не древесный массив, а странный туман, покрывающий одну лишь его часть. Будто кто-то обронил огромную пушистую шаль на тёмный пол, она скомкалась и лежит на нём как-то неестественно поднимаясь к небу в одном месте. Словно есть там что-то в этом тумане. Или кто-то. Пытающийся вырваться из него и попасть в остальную часть леса, да не выходит никак.

Удивляюсь своим же мыслям, ёжусь не столько от холода, сколько от жути, что приходит мне на ум, тушу свечу и снова забираюсь в постель.

Уверена, что странный рык и скрежет когтей по деревянной поверхности входной двери мне только чудятся. Это плод моего голодного, невыспавшегося воображения. Точно, так и есть. И ничего странного и сверхъестественного тут не происходит. Потому что если это не так, то плакала моя сделка с супругом Айрис, а вместе с ней и жизнь.

Глава 10

Голова немного гудит после беспокойной ночи.

Перед глазами всё ещё стоит тот странный туман — молочно-белый, клубящийся между деревьями, словно живой.

Возможно, у меня развивается паранойя. Сколько бы я ни убеждала себя, что всё это просто плод моего воображения, это никак не помогало успокоиться. Я знаю, что по ночам в лесу бывает слишком влажно и от этого появляется туман. Физику же даже в этом мире никто не отменял, но всё же... Сколько бы объяснений ни подкидывала мне логика, сердцем я чувствовала, что-то здесь не так. Туман меня пугает, будит внутри нечто первобытное.

Разумеется, на улицу не выходила. Я посмотрела достаточно фильмов ужасов, чтобы знать, насколько паршивая это идея.

Туман вёл себя прилично и из-под деревьев не высывался, так что я, не выдержав, вернулась в постель. Долго не могла уснуть, прислушиваясь к каждому шороху за окном, а когда, наконец, провалилась в сон, он был полон смутных, тревожных видений.

Только утром замечаю, что Якуб куда-то делся. Туман, к счастью, тоже рассеялся. Вот и думай теперь, почудилось или где.

Умываюсь на кухне и пытаюсь прогнать остатки тревожной ночи. Вода обжигает лицо холодом, но это помогает немного взбодриться. Наскоро вытираюсь и уступаю место Грею, который терпеливо ждёт своей очереди.

На кухне непривычно без Якуба. Вчера он носился туда-сюда, что-то рассказывал, давал советы... Его отсутствие заставляет меня нервничать ещё больше. Надеюсь, с ним всё в порядке.

— Как спалось? — спрашиваю я.

— Спокойно, — пожимает плечищами Грей и потягивается, будто кот. — Полон сил делать сегодняшние дела.

— Это хорошо, — киваю я. — Слушай, а ты ночью ничего странного не заметил?

— Нет, было тихо.

Прикусываю губу. Ну да, туман был в лесу. Если к окну не подходить, о нём и знать нечего.

— Я просто видела какой-то странный туман... У вас часто тут такое?

— Туман? — Грей поднимает голову задумавшись. — Ну, бывает иногда. Там река за лесом есть. По берегам всегда ягод куча.

Киваю. Ну да. Просто река.

Наверно я слишком переживаю из-за ерунды. Это нервы от новой информации.

Вот только неприятных холодов, въевшийся в мою спину ночью, всё ещё ярко ощущается.

Ставлю воду кипятиться и достаю остатки вчерашних каштанов. На столе всё ещё стоит варенье. Получилось таким, как я надеялась: густым, янтарного цвета, с насыщенным ароматом.

— Угощать мне особо нечем, — вздыхаю я. — Может ты знаешь, к кому из горожан можно устроиться поработать? Новую порцию каштанов мы нескоро сможем собрать.

— У меня есть пара вариантов, — кивает парень. — Можем прямо сейчас и сходить.

Это радует. Улыбнувшись, я оборачиваюсь и говорю совершенно искренне:

— Грей, спасибо тебе огромное. Мы едва знакомы, а ты уже так сильно мне помог...

— Да ерунда, — смущается он. — Я просто сладкое люблю. Если откроешь лавку, мне же лучше будет.

— Так вот чего ты такой добрый, — смеюсь я. — Ладно, давай попробуем сообразить хотя бы подобие завтрака.

Опускаю ложку варенья в кипяток и размешиваю. По кухне разносится тёплый, сладковатый аромат.

Грей с интересом наблюдает за моими действиями. Разливаю получившийся напиток по чашкам, протягиваю ему одну.

— Необычно, — он делает глоток и удивлённо поднимает брови. — Никогда такого не пробовал. Но очень вкусно!

Пью свой напиток маленькими глотками, собираясь с мыслями. Якуба нет, а значит, можно расспросить Грея. Но как подступиться? Не хочется показаться навязчивой или подозрительной.

— Ты с детства тут? — решаю начать с безобидного вопроса.

— Ага, — он откидывается на спинку стула. — Родился и вырос здесь.

— А сколько тебе лет? — этот вопрос вырывается сам собой.

— Семнадцать, — отвечает он просто, и я чуть не давлюсь напитком.

Чего, блин? Ему?

— Быть такого не может!

— Мне часто говорят, что я выгляжу старше.

Боже мой...

— Прости — мямлю я, чувствуя, как краснеют щёки.

— Да всё нормально. Я привык уже, — он слегка улыбается, но в его глазах мелькает что-то... грусть? — Вне больших городов быстро приходится взрослеть.

Теперь мне совсем неловко. Не то чтобы я начала планы на него строить, но теперь вообще стыдом захлебнуться можно.

— Ну что, пойдём? — спрашивает Грей, когда мы допиваем импровизированный чай. — С отцом тебя познакомлю.

Я ещё не отошла от новости про его возраст, так что это предложение воспринимаю не с тем посылом, который стоит вкладывать, когда речь идёт про семнадцатилетнего парня.

— Он... поможет мне с работой?

— Конечно, — усмехается Грей.

Убрав посуду, мы выходим на улицу. Я оглядываюсь в поисках Якуба, уже начиная серьёзнее за него беспокоиться. По каким таким делам может уйти крыса? Пошёл к таверне, отгонять котов от объедков?

— Отец будет рад, — заверяет Грей, ловко перепрыгивая через лужу и протягивая мне руку. — Он любит новых людей. Правда, характер у него... своеобразный.

Я благодарно принимаю помощь, отмечая про себя, какая у него крепкая хватка. Снова ловлю себя на мысли, что никак не могу поверить в его возраст. Слишком уж он мужественный для подростка.

— А мама?

— Мама добрая, — его лицо теплеет. — Была.

Я затыкаюсь, понимая, что эту тему сейчас лучше не тревожить.

— Извини.

— Да всё нормально.

Тропинка выводит нас к небольшой речке. Я слышу равномерный шум падающей воды ещё до того, как вижу саму мельницу, добротное деревянное строение с огромным колесом, медленно вращающимся под напором потока.

— Пришли, — Грей останавливается, позволяя мне рассмотреть всё как следует. — Отец сам построил эту мельницу, когда был молодым. С тех пор все окрестные жители привозят сюда зерно.

Я с интересом разглядываю постройку. Мельница внушительная: три этажа, крепкие стены из толстых брёвен, аккуратная черепичная крыша. Рядом небольшой, но ухоженный огород, хозяйственные постройки. Всё говорит о достатке и трудолюбии хозяев.

— Грей! — на крыльце появляется высокая фигура, припорошённая мучной пылью.

У меня перехватывает дыхание. Мельник оказывается настоящим великаном. Широкоплечий, с окладистой бородой, в которой поблёскивает седина, он возвышается над нами как скала. Теперь я понимаю, в кого Грей такой рослый.

— Наконец-то явился!

Я невольно делаю шаг назад, но Грей успокаивающе касается моего локтя.

— Не бойся, — шепчет он. — Отец только кажется грозным.

Мы подходим ближе, и я замечаю, как в глазах мельника, таких же зелёных, как у сына, мелькает гнев. Кажется, нас ждёт не самый приятный разговор...

От смущения у меня вспыхивают щёки.

— Где тебя носит, оболтус? — грохочет он, не замечая меня. — Опять в лесу прохлаждался? Сколько раз говорил, пора взяться за ум! Мельница сама себя не...

Грей деликатно покашливает, кивая в мою сторону. Мужчина осекается на полуслове, его кустистые брови взлетают вверх, а в глазах появляется совсем другое выражение — живой интерес и какая-то хитринка.

— Ох! Что же ты молчишь, негодник? — его тон мгновенно меняется на добродушный.

— Такую девушку привёл, а отцу и словечка не сказал!

Глава 11

Это он про меня? Девушка — это я?

— Да всё как-то не до того было, — отмахивается Грей, хватая меня за запястье и тащит прямым ходом внутрь здания.

Его отец заходит следом, закрывая за собой дверь.

— Па, это Айрис, — представляет меня парень, проводя мимо огромных мельничных жерновов, минуя какое-то подсобное помещение и заходя в небольшую кухню. — Она делает отличное варенье. Каштановое.

Отец моего новоявленного помощника резко замирает и смотрит на меня как-то странно.

— Не говори ерунду, сын. Никто в деревне не умел варить такого, — отмахивается и проходит в кухню.

— А я принёс тебе попробовать, — говорит Грей и вынимает из кармана небольшую склянку. Когда только успел прихватить? Я даже не заметила.

Мельник не церемонится, достаёт из ящика ложку и зачерпывает из небольшой баночки янтарное варенье.

— Быть не может. И впрямь. Будто Марта готовила, — замечаю, как выразительные зелёные глаза мужчины наполняются грустью, он шмыгает носом и отворачивается. Так понравилось угощение?

— Матушка моя очень любила такое варенье готовить, — поясняет Грей. — Одна его во всей деревне только и делала. После того как она пропала, кроме её вещей да пары банок янтарной сладости ничего нам от неё не осталось. Уж мы их так берегли, но это же съестное. Портится, — парень смущённо чешет затылок.

— Пропала? — вырывается у меня, и я торопливо закрываю рот ладошкой. Говорила мне бабуля, не суй нос куда не следует.

— Па, можно я Айрис мамино платье одолжу ненадолго? Видишь, какая она худенькая. Ей впору будет, — Грей, не дожидаясь ответа, выбегает из кухни, оставляя меня наедине с его отцом, который откладывает ложку и с интересом разглядывает оставшееся в склянке варенье.

А я про себя отмечаю наблюдательность парня. Заметил, что платье, которое я с утра надела вместо порванного, мне велико. Но в гардеробе других вещей не нашлось, а в рванье искать работу было как-то не айс. Хороший из него хозяин (мельник, пекарь, плотник, да кто угодно) получится, раз он так к деталям внимателен. А может, управляющий?

— Знал я, что сын себе хорошую девушку найдёт, но чтоб настолько, — на его лице вдруг расцветает довольная улыбка. — Молодец, хвалю. Рукастая. Готовить, стало быть, умеешь?

Я киваю и надеюсь, что он не имеет в виду разделку туш убитых на охоте животных, а подразумевает что-то более повседневное.

— Умею, только я не...

— А хлеб печь можешь? — мужчина не даёт мне опровергнуть его догадку о том, что я девушка его сына. Или, не дай боже, невеста. Мал он ещё жениться, а я старовата, чтобы за вчерашнего подростка замуж идти.

— Могу.

— А ну-ка, удиви старика, — мельник достаёт из сундука небольшой мешочек муки и кивает на печь у меня за спиной. — Проверим, хорошая ли из тебя хозяйка. Платье Марты просто так не отдам. У неё их немного было. Заслужить надо, — сказал мужчина, улыбаясь и подмигивая.

Он явно имел в виду не отработку, а проверку на вшивость. Мол, правду ли сказала про варенье?

— Меня Говардом звать, — по-доброму улыбаясь, говорит мельник, подавая мне посуду и указывая на ведро с чистой водой. — Супругу Мартой кликали.

Я послушно принимаю большую плоскую для замеса теста, черпак для воды и баночку с каким-то порошком, похожим на соду.

— Она и хлеб отличный пекла и вообще была на все руки мастерица, — мельник начинает говорить тише, видимо, чтобы сын не услышал. — Только вот беда у нас случилась. Пропала моя голубушка. Ушла в лес за грибами, да так и не вернулась. До сих пор ни слуху ни духу. Уж столько лет прошло, а Грей всё ждёт, что она найдётся.

На стол легла маслёнка с небольшим кусочком сливочного масла. Я принялась отмерять на глаз муку, а мельник шустро подошёл к печи, в которой потрескивали поленья, и зажёб их кочергой в сторону.

— Ты уж не обижай его, Айрис. Он у меня парень добрый. От людей подвоха не ждёт, — также тихо сказал мельник, а затем нарочито громко добавил. — Вот я тебе и место под хлебушек освободил. Форма на полке. Как управишься, позовёшь.

В комнату зашёл улыбающийся Грей. В руках у него было красивое простенькое платье и тёплая накидка к нему.

— Па, можно вот это? Парадное трогать не стал, а это и для работы, и за покупками сходить очень даже ничего?

— Мне придётся приготовить очень вкусный хлеб, — сглатываю я.

Мужчины смеются.

— Конечно можно. Пусть красавица носит, чем оно просто пылится, — Говард покровительственно касается моей спины.

Я прохожу по кухне, разглядывая аккуратные мешочки с мукой разных сортов. Здесь пахнет свежемолотым зерном, травами, которые пучками свисают с потолочных балок, и чем-то неумовимо домашним.

— Подсказывать? — в глазах мельника читается любопытство. Наверное, хочет проверить, на что способна «невеста» его сына.

С улыбкой отказываюсь и закатываю рукава. Сначала нужно подготовить опару. Беру тёплую воду, добавляю щепотку сахара и дрожжи. Затем беру глиняную миску и высыпаю туда немного муки. Теперь нужно подождать.

— Расскажи что-нибудь о себе? — Говард, присаживаясь рядом.

Тема опасная. Я помню предупреждения Якуба, так что решаю выбрать что-то нейтральное, и делюсь мечтой про открытие кондитерской. Само собой разговор стекает к рецептам и вариантам десертов, которые я бы обязательно включила в меню, а какие не стала бы готовить ни за что на свете. Время летит незаметно.

Опара пузырится, пахнет свежо и знакомо. Добавляю соль, растительное масло, постепенно подсыпаю муку. Мужчины, убедившись, что мне тут помощь не нужна, расходятся по своим делам.

Месить тесто особое удовольствие. Оно живое под руками, тёплое, податливое. Складываю, переворачиваю, снова складываю. С каждым движением масса становится эластичнее, глаже. На лбу выступают капельки пота, но я не останавливаюсь. Ещё немного, и будет идеально.

Наконец, скатываю в шар, накрываю полотенцем. Теперь снова ждать.

За окном слышен стук мельничного колеса, голоса Грея и его отца. Солнце уже высоко, его лучи пробиваются сквозь занавески, рисуют узоры на деревянном столе. Я протираю руки, оглядываю кухню такая уютная, обжитая. На подоконнике в горшках зеленеет лук, на полках выстроились банки с соленьями и вареньем.

Тесто подходит быстро пышное, воздушное. Осторожно обминаю его, формирую буханки. Печь уже натоплена, от неё идёт ровное тепло. Смазываю хлеб водой, делаю надрезы - каждый должен быть точным, не слишком глубоким.

Отправляю буханки в печь и прислоняюсь к стене, чувствуя приятную усталость. Скоро по дому поплывёт запах свежего хлеба, самый лучший аромат на свете.

В кухню вваливается мельник, от его шагов половицы чуть слышно поскрипывают. В руках он держит внушительный мешок, который с глухим стуком опускает у порога. На его лице играет добродушная улыбка, а в глазах лукавые искорки.

— Ну как тут наша мастерица? — интересуется он, прислушиваясь к аромату хлеба. — О-о-о, да тут настоящее волшебство творится!

Я смущённо улыбаюсь, вытирая руки о передник. Говард тем временем развязывает мешок, и у меня перехватывает дыхание внутри мука.

— Грей мне рассказал, — его голос становится мягче. — Про то, как ты одна осталась, как лавку пытаешься поднять. И про то, что у тебя сейчас совсем ничего нет...

Чувствую, как к горлу подкатывает комок. Чтобы вот так, совершенно незнакомый человек...

— Не могу я допустить, чтобы такие золотые руки без дела простаивали, — продолжает мельник, словно не замечая моего волнения. — Так что это тебе подарок. Мука первосортная, только что смолота.

— Но я не могу... — начинаю я, но он перебивает меня взмахом своей огромной руки.

— Даже слушать ничего не хочу!

Я стою, не находя слов. В горле комок, а на глаза наворачиваются слёзы благодарности. Кто бы мог подумать, что в этом странном месте, куда я попала совершенно случайно, встречу таких удивительных людей?

Если бы я только знала, к чему всё это позже приведёт...

Глава 12

Хлеб готов. Золотистый, с хрустящей корочкой, он словно светится изнутри. Достая буханки, и по кухне разносится одуряющий аромат.

— Вот это да! — восхищённо присвистывает Говард. — Давно такого не видел. У тебя определённо дар, девочка.

Скажет тоже.

Экстрим, конечно, тот ещё. Спасибо хоть, что я, увлекаясь кондитерством, читаю кучу всего и примерно понимаю технологию, так что не схватилась за голову, когда оказалась перед печью. Не то чтобы я готовилась к тому, что попаду в другой мир, но теперь мои маленькие странности мне только на руку.

Я осторожно постукиваю по нижней корочке. Звук правильный, полый. Значит, хлеб пропёкся идеально. Ставлю буханки остывать на деревянную доску. Внутри разливается тепло, может быть, всё не так уж плохо? Может быть, я действительно смогу начать здесь новую жизнь?

А мешок с мукой стоит у двери как молчаливое напоминание о том, что в мире ещё остались добрые люди, готовые помочь совершенно незнакомому человеку. И это, пожалуй, самое удивительное чудо из всех, что я видела в этом загадочном месте.

Говард настаивает, чтобы я забрала один из хлебов. Кроме этого снабжает меня сыром, куриными яйцами и небольшим куском солонины, не обращая внимания на мои возмущения.

— Бери-бери, вон какая худая, — хмыкает он, собирая угощения в корзину. — А то лавку откроешь, никто не поверит, что сладости продаёшь, раз такая худая.

Всё же мне кажется, он видит во мне невестку. На прямое обращение я бы, конечно, среагировала, но намёки пропускаю мимо ушей, поскольку прекрасно понимаю, мне не обойтись без помощи.

Наглеть не стану, но сразу отрешиваться не могу.

Вечернее солнце окрашивает улицы в медовые тона, когда мы с Греем подходим к кондитерской. Он настаивает на том, чтобы донести тяжёлый мешок с мукой, и сейчас идёт рядом, легко неся его на плече, будто он ничего не весит, и болтает без умолку о том, что ещё нужно сделать, прежде чем открывать «Лакомку».

Я прерываю его, напоминая, что вначале следует убраться там и навести порядок, но Грей настроен решительно и убеждает меня, что лучше сперва провести все ремонтные работы, а уже после наводить порядок. Мы спорим всю дорогу, пока не оказываемся у «Лакомки» и не обнаруживаем толпящихся на пороге людей.

Сердце начинает колотиться как безумное.

Десятки глаз устремляются на нас, в толпе нарастает гул. Я слышу обрывки фраз:

— Это она?

— Новая хозяйка?

— Не особо похожа, сразу же видно городская.

— Ну да. Она тут и месяца не продержится.

Я не готовилась отвечать на вопросы, а моя общительность ощутимо потрепалась после визита на мельницу...

Да и что им говорить? Правду наверно? Посёлок маленький, тут слухи мигом разойдутся. Но Грей вдруг делает шаг вперёд, заслоня широченной спиной.

— Привет, соседи! Вы пришли поглядеть на новую хозяйку кондитерской?

— Так это правда? — вперёд выходит хозяйка таверны, которая накануне прогнала нас с Якубом. — Лариан притащил кого-то возродить лавку? За какие грехи он так с тобой?

Ох, тебе лучше не знать...

— Просто мы с ним поспорили в каком-то смысле, — смущаюсь я, вцепившись в ручку корзинки, как в спасательный круг.

— Смотри, здесь тебе не город, ерундой страдать некогда.

— Я понимаю, не собиралась, — указываю на лавку. — Пока я только навожу порядок, но, надеюсь, все вы придёте на открытие.

Осталось придумать, как всё организовать.

— Булочки будут? — спрашивает кто-то.

— Конечно будут! — помогает Грей, улыбаясь так широко и искренне, что люди невольно начинают улыбаться в ответ. — Айрис знает множество рецептов. Завтра утром уже можно будет пробовать. Правда ведь? — он оборачивается ко мне, и в его глазах пляшут озорные искорки.

— Я не успею навести порядок, — шиплю сквозь сомкнутые зубы.

— Так я тебе помогу.

Я открываю рот, чтобы возразить, но слова застревают в горле. Что-то он как-то слишком сильно в меня верит. С другой стороны, чем раньше начну, тем раньше смогу решить вопрос с Ардэном и доказать ему... что-нибудь. Возможно выбить из бывшего мужа какие-то инвестиции, потому как, очевидно, деньги мне нужны. Может я и могу рассчитывать на помощь Грея, но муку, сахар, молоко и яйца он мне на постоянной основе не поставит. А они нужны практически всегда.

Люди смотрят с надеждой. Я оглядываюсь на лавку и пытаюсь прикинуть свои возможности. Внутри вести их смысла нет, но я могу организовать прилавок на крыльце. Так же как было в городе, когда мы сюда ехали.

Стоит попробовать.

— Да, — слышу свой голос, удивляясь его твёрдости. — Завтра утром лавка откроется.

По толпе проносится одобрительный гул. Пока сложно сказать, что обо мне думают жители, но оно и понятно. Решение они примут завтра, а значит сегодня мне нужно кровь из носу сделать не только хотя бы минимальную уборку на кухне, но и придумать, как угостить всех, имея крайне ограниченный запас продуктов. Хорошо хоть мука у меня теперь есть.

Зря, наверно я им это пообещала. Грей подмигивает мне и толкает плечом дверь лавки.

— Ты... просто псих! — шепчу я, когда мы оказываемся внутри. — Как ты мог подбить меня на такие смелые обещания?! Сам же видишь, что тут ещё долго не будет никаких посетителей...

Я обвожу взглядом лавку и застываю. Очень хочется протереть глаза, потому что «Лакомка» выглядит совсем не так, как было до нашего ухода. Создаётся ощущение, что кто-то пришёл сюда и навёл порядок. Исчезла паутина под потолком, толстый слой пыли со столов и полок тоже смело. Даже с пола исчезла грязь, показывая, красивые, пусть и слегка стёршиеся мраморные плиты.

Что. Тут. Произошло?!

— Ладно, я пойду до плотника схожу, как и хотел, — заявляет Грей, пока я пытаюсь убедить себя, что не сошла с ума. — А ты пока думай, чем завтра угощать будешь. Я приду, помогу.

Он оставляет мешок у двери в кухню и, насвистывая что-то себе под нос, выходит на улицу.

Я стою посреди зала ещё минуту, а после неуверенно зову:

— Якуб? Ты где?! Какого чёрта, Якуб?! Это что за магия?!

Глава 13

Но грызуна нигде не было. Зато в голове моей что-то загудело, зашуршало, а затем я услышала нечто, похожее на шёпот: «Здравствуй, новая хозяйка! Для тебя старалась. Угодила?»

Приплыли. Или со мной говорит лавка, или я сошла с ума.

Но я уже пару дней как перестала удивляться странностям, поэтому если она живая, то так даже лучше.

— Ты же «Лакомка», да? — решаюсь спросить, желая, чтобы это оказалось правдой, и я не сошла с ума, а просто говорила с волшебным зданием. От этого хоть толк какой-то будет. А от прощания с собственной крышей какой мне прок?

— Да, хозяйка! Лакомкой меня звать, — отвечает мне... мой новый дом. — Чего изволишь?

А я стою посреди изменившегося помещения и не знаю, чего бы попросить. Сжимаю в руках платье, подаренное мельником, и тут меня посещает мысль, которая почему-то затерялась в пути и опоздала с появлением как минимум на сутки.

— Мне бы в душ, то есть искупаться. А то ведь наряд новый подарили, а на грязное тело примерять не хочется, — откровенничаю я.

— За кухней есть небольшой чулан с ванной, где раньше работники купались. Там чисто и светло. В шкафу мягкие полотенца, но вот воды нагреть придётся самой, уж не обессудь, — извиняется передо мной Лакомка.

Я же так рада тому, что в этом месте можно помыться, что чуть ли не вприпрыжку бросаюсь в уже знакомую мне кухню и оглядываюсь в поисках дров, которыми можно было бы растопить печь. Пять-шесть кусков древесины лежат у входа, заботливо оставленные Греем. Видимо, то, что он отпилил от пришедшей в негодность балки.

Мне бы задуматься, можно ли частью говорящего дома топить печь, но я так хочу почувствовать себя человеком, что не задумываясь бросаю полешки в нижнюю створку и развожу огонь.

Пара вёдер обнаруживается тут же. Их приходится наполнить водой, но с этим я тоже справляюсь на ура. Поставив первое нагреваться, захожу в указанный лакомкой чулан и охаю: в нём отличная медная ванна в прекрасном состоянии. Чистая, да что там... блестящая. На стене небольшая подставка-полочка для мыла, которое нахожу в шкафу напротив. На двери прибиты крючочки для полотенец. Они, к слову, тоже имеются в арсенале платяного двухметрового предмета мебели. Мягкие, как и сказал мне дом.

— Вот спаси-и-и-и-бо, Лакомка. Удружила! — благодарю в голос.

С таким помощником, как сама кондитерская, можно не переживать. Теперь точно к завтрашнему что-нибудь сообразим. Придумать только, что именно сострять, чтобы удивить местных.

Наполняю ванну, наблюдая за тем, как в небольшом чуланчике начинает клубиться пар. Кладу на полочку душистое мыло, замечаю на гвоздике на стене заботливо оставленный кем-то маленький металлический черпачок.

— Что ещё нужно для счастья? — задаюсь вопросом, избавляясь от одежды.

Как ни крути, а когда платье с чужого плеча, да ещё и велико, чувствуешь себя не в своей тарелке.

Медленно погружаюсь в тёплую воду, едва ли не постанывая от удовольствия. Не городской душ со всеми удобствами, но всё же.

«Только бы Грей не вернулся раньше времени», — оглядываюсь, понимая, что дверь в чуланчик запирается на щеколду и то только снаружи. Как здесь работники мылись, если она в любой момент может распахнуться?

Но как только тёпленькая (почти горячая) вода расслабляет тело, разум отключается и отправляется в какие-то одному ему известные дали. Отдохнуть от пережитого потрясения и хоть немного перезагрузиться. Мне видятся белые пушистые облака. Я парю в небесах, удерживая своё тело в полёте мощными кожистыми крыльями. В лицо дует свежий весенний ветер. Но меня подгоняет тревога. Хочется поскорее добраться до места. Проверить, как там дела. Увидеть...кого?

Стоп! Что? Какой ещё ветер?

Резко распахиваю глаза и понимаю, что вода ещё не успела остыть, но становится как-то не по себе. Прислушиваюсь — тишина.

— Господи Боже, привидится же такое, — бурчу под нос. — Хватит отвлекаться. Что мне готовить на завтра местным?

В голову начинают приходить идеи, одна бредовее другой. То хочется сделать целый противень эклеров, то сварганить огромный торт. Но я понимаю, что ингредиентов у меня раз два и обчёлся. Нужно что-то простое, но в то же время вкусное и необычное. Беда в том, что я не знаю, какую выпечку деревенские считают повседневной, а какую праздничной. Что будет им в новинку?

«Так, оперативненько моемся, одеваемся и дела делать. А то ишь...размякла тут. Видится всякое, а потом собраться не могу!»

Принимаюсь натирать тело мочалкой с пенистым мылом на травах. Как же оно пахнет! Мама дорогая! И почему у меня талант к готовке, а не к мыловарению? Хотя... его же тоже варят. Та же готовка, только в профиль. Эта мысль рождает на лице улыбку.

Смываю с себя весь вчерашний стресс вместе с мыльной пеной и довольная донельзя вылезаю из ванны, становясь на расстеленную на полу половичку. Только поскользнуться и шею себе свернуть мне не хватало. Обтираю махровым мягким полотенцем волосы, тело и вздрагиваю от внезапного грохота, раздающегося где-то совсем рядом.

Отступаю на пару шагов, когда он повторяется. Ещё ближе. В кухне? Слышу громкие шаги. Кто-то ходит по помещению. Быстро и по-хозяйски.

— Какого демона ты делаешь в моей лавке, парень? Кто ты вообще такой и где моя жена? — узнаю голос мужа.

Становится не по себе. Стою такая вся красивая, замотанная в полотенце, с невысушенными волосами, а там за хлипенькой дверцей, кажется, мордобой намечается.

— Айрис сама меня впустила. Я здесь с её разрешения. Она и переночевать мне тут позволила. Помогаю я ей, — решительно отвечает Грей.

Боже мой, что он творит? За дверцей раздаётся какое-то нечеловеческое рычание, а затем стук, будто что-то или кого-то впечатало в стену. А затем он повторяется, но уже с другой стороны.

— А кто вы такой мне неизвестно. Так что, объясняться придётся вам, господин приезжий! — пытаюсь восстановить сбитое дыхание, продолжает парень.

— Переночевать? И до чего вы тут доночевались? — в голосе супруга слышны ревнивые нотки. Собственник?

— Не ваше дело. Вас не было, когда ей потребовалась помощь. — уколол чокнутый.

— Где она, парень? Где Айрис? — угрожающе рычит мужчина.

Спешно одеться не успеваю, а оставлять Грея на растерзание самодуру-мужу просто не могу. Парень мне помог и заступился. Поэтому решительно распахиваю дверь чуланчика и выхожу.

— Да здесь я! — успеваю сказать.

Только дурная моя голова не соизволила сообразить, что обуви-то на мне нет, а пол скользкий, поэтому стоит мне ступить босой ногой на плитку, я тут же поскальзываюсь и лечу назад.

Глава 14. Ардэн Хангер

Айрис выходит из ванной, кутаясь в полотенце, её влажные волосы разметались по плечам. Внутри что-то сжимается, всё же она красивая. Моя. Я на пару мгновений даже забываю о наглom мальчишке, которого нашёл в комнате и которому здесь точно не место. Деревенщина, возомнивший о себе невесть что.

Айрис поскальзывается, и я вижу, как он дёргается помочь ей. Ярость вспыхивает мгновенно, застилает глаза красной пеленой. Как смеет приближаться к моей жене?

Время будто замедляется. Она падает, нелепо взмахнув руками, и пытается ухватиться за что-нибудь, но пальцы лишь скользят по воздуху. Удара так и не случается.

— Айрис!

Мы рываем это хором и ловим её под руки. Хватка у мальчишки цепкая, но осторожная. Меня же от решения сломать руку, которой он её касается отделяет всего ничего. Воздух в комнате мгновенно густеет, хоть ножом режь.

— Что. Он. Здесь. Делает? — мне стоит огромных усилий говорить спокойно.

Айрис судорожно поправляет полотенце, пытаясь сохранить остатки достоинства, но от этого движения оно только сползает сильнее. В голове поднимается нехороший шум, путающий и без того хаотичный порядок мыслей.

— Я... мы... — начинает Айрис, а я делаю шаг к ней.

Неосознанно. Это инстинкт. Притянуть ближе, завести за спину. Рядом с ней щенок, и пусть я не воспринимаю его как серьёзную угрозу, позволять ему находиться рядом с моей женщиной нельзя.

Меня злит его присутствие, драконья половина моей души в настоящем бешенстве. Её чувства можно описать как сильный голод и утолить его получится лишь кровью. А сейчас благоверная очень некстати решила поиграть в недотрогу, так что последствия применения магии, а значит и предел терпения с выдержкой опасно сместился.

— Значит, вот как? — мне не нравится то, что она пытается юлить. — Едва я отвернулся, ты уже...

— Отойдите от неё, — голос щенка тихий, но в нём звякают металлические ноты. Самоубийца пытается влезть между мной и Айрис, но я грубо отталкиваю его, и парню хватает рассудка не предпринимать второй попытки.

— Грей! — пугается моя жена. — Арден! Ты что творишь?!

— Айрис не ваша собственность, — пацан поднимает подбородок. — И если вы не уйдёте сейчас же...

Это смешно.

Этот деревенщина настолько глуп, что даже не осознаёт, что я могу убить его за один удар сердца.

Стоит, храбрится. В его возрасте мозги нормально не работают, и естественный отбор иногда толкает таких вот идиотов на зуб к опасностям вроде меня.

— То что сделаешь? — мрачно улыбаюсь я. — Как благородно. А знаешь ли ты, что...

— Хватит! — вскрикивает Айрис. Она-то знает об опасности, в которой оказался щенок. Колени трясутся, но голос больше не дрожит. — Уходи, Ардэн. Сейчас же! У нас был уговор, и я очень надеюсь, что ты не будешь мешать мне его осуществлять!

— А ты хорошо помнишь детали договора, жена?

— Разумеется, мне нужно получить прибыль с лавки.

— И ты решила, что можно сделать это, торгуя телом?

Её лицо вспыхивает от стыда.

Мне, конечно, слабо верится, что благородная девушка её воспитания опустится до такого всего через день. Да и щенок не выглядит так, будто с него много возьмёшь. Возможно спустя время она бы додумалась до этого, когда осознала, насколько ничтожна она без меня, но точно не сейчас. Ночь в холодной пыльной постели должна была отрезвить её.

Ладно. Первым делом нужно навести порядок.

Одним быстрым движением хватаю за шиворот щенка. Он, конечно, рослый, но со мной тягаться у него не выйдет, так что я легко выталкиваю его за дверь.

— Если ещё раз увижу тебя рядом с моей женой и лавкой, — наклоняюсь к его перекошенному от возмущения лицу, — ходить больше не сможешь. Ясно выражаюсь?

Захлопываю дверь прямо перед его носом. Айрис вцепляется в мой рукав, пытаюсь то ли оттолкнуть от двери, то ли выбежать вслед за мальчишкой, но ей это, естественно, не удаётся. Глаза пылают праведным гневом.

— Как ты посмел?! — её голос срывается на крик. — Грей должен был помочь мне с выпечкой! Завтра открытие, люди придут, а у меня ничего не готово!

Я не могу сдержать усмешку. Какая горячая. Где всё это было раньше? Осознав, что я её не пропущу, а может решив, что в таком виде выбегать на улицу не лучшая идея, она пятится, всё ещё прижимая к груди это нелепое полотенце.

— Ну-ну, дорогая, — мой голос становится мягче, бархатнее. — Ты же знаешь, как можно меня уговорить... помочь.

Делаю ещё шаг, но она разворачивается и убегает обратно в кладовку, служащую ванной, и захлопывает дверь. Я усмехаюсь. Что ж, пусть ещё немного поиграет в независимость. Я могу подождать. В конце концов, она никуда не денется.

Осматриваюсь вокруг. Надо признать, главный зал выглядит... прилично. Чистые столы, отполированные полы, даже занавески свежие.

Странно. Неужели сама всё это сделала? Айрис никогда не отличалась особым трудолюбием, предпочитая, чтобы всю работу выполняли слуги. Провожу пальцем под столешницей — ни пылинки. Хм. Что-то здесь не так. Но времени разбираться нет.

Мне нужно осмотреть окрестности. В конце концов, я приехал сюда не только за блудной женой. Дела не ждут, а эта маленькая деревня может оказаться весьма... полезной для нашего расследования.

Бросаю последний взгляд на дверь ванной. Ничего, вечер ещё длинный. У меня будет время заняться и делами, и строптивой супругой.

Главное — расставить приоритеты правильно.

Глава 15

Минут пять сижу в банной комнате и трясусь от страха и негодования. Принесла же нелёгкая этого муженька. Весь из себя хозяин положения, злой как чёрт, но всё такой же привлекательный. В глазах огонь, сам весь горячий, будто у него в венах не кровь течёт, а раскалённая лава. Когда схватил меня за руку, чуть не закричала от неожиданности: таких пламенных прикосновений в моей жизни ещё не было. Грешным делом подумала, что останется ожог, но теперь, глядя на свою руку вижу, что ничего нет. Даже синяка.

Буду я его уговаривать помочь! Ага! Прямо-таки бегу и падаю! Кого угодно, только не этого заносчивого грубияна. И, конечно, не таким способом, на который он намекал.

На что я надеялась, убегая в чуланчик, не знаю. Дверь-то изнутри не запирается. Но мой «горячий» супруг за мной не погнался, что уже хорошо.

Прислушиваюсь, тихо. Живенько сбрасываю с себя полотенце и надеваю новое платье — подарок отца Грея. Оно мне, кстати, в самый раз. Так замёрзла стоять практически ни в чём, что зубы стучат, но кожа в тех местах, где меня касался Ардэн, до сих пор горит, хотя видимых следов на ней нет.

— Чтоб тебе сегодня весь день икалось, патлатый! — выпаливаю проклятье в адрес мужчины, выходя из комнатки.

Окидываю взглядом кухню. Но думается почему-то не о том, что мне готовить для местных, а о причинах визита супруга. Он вроде так скоро сюда не собирался. Неужели соскучился? А завёлся-то как? Любит, стало быть, свою Айрис? Но что это за любовь такая, если он её постоянно оскорбляет, унижает и вообще бросил не пойми где одну? Сдаётся мне, что не всё так просто. И этих двоих объединяют не только брачные узы, но и что-то ещё.

А что теперь обо мне подумает Грей? Парень безвозмездно помог незнакомке, убрал балку, договорился с плотником и стекольщиком. Даже заступился за меня перед внезапно заявившимся нахалом. Достойного сына воспитал мельник. Кому только такой молодец достанется? Нужно будет непременно перед ним извиниться. Если захочет, конечно, ко мне подойти. Ему же пригрозили увечьями, если осмелится. Эх!

Решаю вернуться к этим мыслям позже и прохожу по кухне, осматривая инвентарь, который теперь блестит чистотой и радует глаз. Все кастрюльки и половники сверкают чистотой. Даже печь, ещё вчера полная сажки, полностью готова к работе, только бери и делай.

А что делать, ума не приложу. У меня есть мука, яйца, немного сливочного и подсолнечного масла... и всё!

— Ой! — вскрикиваю, ударяясь ногой и ножку одного из столов. — Блин! Это мне на сладкое, что ли?

Сладкое! Ну конечно! Кто его не любит? Нужно приготовить что-то... ммм, не приторное, но запоминающееся. Из того, что есть. Но загвоздка в том, что у меня не осталось сахара.

Вздрагиваю, когда дверца одного из шкафчиков открывается со скрипом. Подхожу и заглядываю внутрь. А там стоит множество жестяных коробочек и стеклянных баночек со всякими разностями. Не скоропортящимися, как мне кажется. На одной из них красуется этикетка, где каллиграфическим почерком выведено «сахар». Остальные не подписаны, но в одной замечаю рис или нечто подобное, в другой что-то тёмное, похожее на корицу.

— Чего это ты тут с мокрой головой по кухне бегаешь? — раздаётся голосок Якуба и я оборачиваюсь.

Волосы и правда сырые. Фена здесь не нашлось, а полотенцем до конца влагу не удалить.

— Ты где был? Я тебя обыскала! — игнорирую его вопрос.

— Запасы свои проверять ходил. Не украли ли мои заначки с желудями, каштанами и прочей вкуснятиной. Лес большой, знаешь ли. Весь так быстро не обежать, а ночью туда нельзя, — затараторил он.

Его пышные усы при этом забавно подрагивали, вызывая у меня непроизвольную улыбку.

— Сколько же их у тебя? — спросила, а сама подумала о том, что неплохо бы выпросить у грызуна ещё немного каштанов, раз они так понравились Грею.

Парень говорил, что кроме его матери никто их готовить не умел. Можно было бы сделать своей фишкой.

— Неважно, они мои и точка. Никогда не знаешь, что может случиться. Запасы — самое важное в жизни крысы, — Якуб поднял один пальчик на лапе, указывая на важность его слов. Совсем как человек. Откуда у крысы такие повадки? — Ладно, давай помогу тебе кудри твои высушить. А то заболеешь ещё.

Мохнатая тушка промелькнула по полу, резво забралась на столешницу, а затем подбежала к печи.

— Видишь огниво? — указывает на уже знакомый мне предмет. — Разведи огонь. Как разгорится, поставишь заслонку боком, чтобы не весь жар в трубу уходил и встанешь к ней спиной. Волосы и обсохнут, — делится местным лайфхаком.

Я послушно выполняю его указания, и вуаля: проблема устранена и можно сосредоточиться на более серьёзной.

— Якуб, слушай, я местным к утру обещала угощение приготовить. Да только не знаю, что им понравится. Нужно что-то простое и сладкое...

И тут меня осеняет. Тулумба! Вот что я для них сварганю.

— Что ж ты молчишь? Сладкое я люблю. Угостишь же? Там в столе, во втором ящике чепцы и фартуки, — продолжает командовать крыс.

Ещё один звоночек. Допустим, что грызун волшебный, но откуда он так хорошо знает, где и что лежит в «Лакомке»?

— Чего застыла? Давай готовить! Придумала поди уже какие сласти подавать деревенским? — выводит меня из ступора крыс.

— Да. А ты прям всерьёз настроен помогать? — в голове мелькают мысли о том, что мохнатое зубастое существо на кухне — это негигиенично. Мало ли что он там в лесу нацеплял на свои лапки. Да и вообще. Он же крыса!

— Помогать есть настроен, а готовить с моими короткими лапками навряд ли. Подать могу что-то, если нужно. Только скажи, — говорит зубастик, у меня вырывается вздох облегчения.

Беру миску, кастрюльку подходящего размера, набираю на глаз необходимое количество муки, пару яиц и, конечно же, сахар.

— Буду делать тулумбу, — зачем-то поясняю своему помощнику, который уже потирает ручки в предвкушении снятия пробы с готовых сладостей, хотя их ещё и в помине нет.

Простое пирожное с минимумом ингредиентов. Самое первое из того, что я научилась готовить ещё в детстве, когда мне очень хотелось сладкого, а денег на покупные пирожные не было.

Весь его фокус в том, чтобы сделать заварное тесто и обжарить его в масле, а затем залить ароматным сиропом.

В кастрюльке соединяю немного воды, щепотку соли, масло и жду, пока оно растворится. Постепенно начинаю вводить муку пока не получается мягкое заварное тесто. И... роняю лопатку из рук, так как вспоминаю, что сначала нужно было сделать сироп и только потом всё остальное.

— Якуб, я совсем забыла. Для сиропа мало одного сахара, нужен ещё лимон, ну или что-то кислое. Есть у тебя в твоих припасах что-нибудь похожее? — с надеждой смотрю на своего помощника.

Он кивает и убегает с кухни. Куда? Надолго ли? Не знаю. Но всё же решаю подождать.

Через час ожидания понимаю, что зря не уточнила. Тесто, которое подготовила, остыло и уже не годится. Вздыхаю и отставляю его подальше.

Ещё через час мне надоедает сидеть на кухне, солнце начинает клониться к закату, а воз и ныне там. Решаю пойти посмотреть не видно ли где говорящего усатика. Но стоит мне выйти в холл, понимаю, что устала и неплохо бы немного отдохнуть. Сажусь в большое кресло в углу и... засыпаю.

— Эй! Соня! Вставай! Не успеем ведь к утру! — нос щекочет что-то мягкое и я резко распахиваю глаза.

Вскакиваю с кресла, заспанная, руки-ноги болят, спина отваливается. Надо же было уснуть, да ещё в рекой неудобной позе?

Стоп! Не рассвет ли это брезжит на горизонте? Подбегаю к окну, не веря своим глазам.

— Ты где был, мохнатый? Я тебя два часа ждала. А потом...

— Потом перестала ждать, да? Эх ты! Печь, поди, прогорела уже, — грызун бросается на кухню. Я следом.

Не могу скрыть удивления, когда замечаю, что дрова в печи и впрямь превратились в угольки, но при этом жар от местной каменной духовки идёт что надо.

— Принёс хоть то, что просила?

— А то! — Якуб подаёт мне пару листиков, похожих на лимонную траву. Не лимон, конечно, но запах и горечь дают, что надо.

Быстренько развожу нужное количество сахара в воде, превращая его пышащей жаром поверхности печи в сироп. Не забываю бросить туда и листики.

Затем принимаюсь за тесто. Снова масло, соль, мука. И вот заварная мягкая тёплая масса готова. В оригинальном рецепте из неё при помощи кондитерского мешка отсаживают небольшие трубочки, но мне некогда искать ему замену, поэтому делаю простые кругляшки, быстренько кидаю их в уже закипевшее растительное масло, где обжариваю до золотистой корочки.

Сироп тем временем отставляю остывать. Раскладываю хрустящие пироженки на решётку, где с них стекают излишки масла, а затем окунаю в сироп так, чтобы хорошенько пропитались, и аккуратно помещаю готовые изделия на небольшой противень.

Ненужная жена
ХОЗЯЙКА
лавки сладостей

Достаю склянку, где заметила корицу. Пахнет приятно и очень похоже. Пробую — на вкус тоже то самое. Половину кругляшков присыпаю корицей для пикантности и... замираю, потому что как раз в этот момент в дверь кто-то стучит.

— Хозяйка! Утро уже! Где обещанные угощения? — раздаётся незнакомый женский голос.

— Ну всё, Ирина. Пора сдаваться. Деревенские пришли. Надеюсь, у тебя всё готово.

Сбрасываю чепец и фартук, беду ещё горячий противень в руки, примечая, что он почти не обжигает кожу, и иду открывать дверь своим первым посетителям.

Глава 16. Ардэн Хангер

Целую ночь шастаю по лесу в поисках зацепок. Это же надо! Поручить мне такое незначительное дело, как исчезновение каких-то крестьян в захолустной деревне. Той, где осталось чёрное пятно на моей репутации как предпринимателя — лавка сладостей «Лакомка».

Я всегда любил вкусно поесть. В Штормларе меня знают не только как лариана, но и как основателя целой сети успешных лавок со съестным. В Лиангарде, столичном городе страны, особенной популярностью пользуются булочные и кондитерские. За её пределами забегаловки для бедного люда и хлебопекарни.

На кой я решил открыть в этой Тьмутаракани лавку со сладостями, я не знаю. Просто в один прекрасный день понял, что она здесь нужна и мне необходимо, чтобы заработала она в старом здании деревенской лавки.

И вот к чему это привело. Так и с женитьбой. Что эта сумасбродная, внезапно восплаившаяся желанием творить, супруга, что «Лакомка» одного поля ягоды. Не моего. Всё, с чем я имею дело, обречено на успех, потому что я знаю, чего хотят люди. Чего алчут. Сам такой. Постоянно в поиске чего-то нового, аппетитного, неповторимого.

Стоит заглянуть им в душу, и сразу видишь какая лавка станет приносить прибыль в том или ином месте. С Айрис было так же. Холодный расчёт — вот что я видел в её глазах в день бракосочетания. Никаких чувств или плотских желаний. Девушку интересовали только деньги и хорошая жизнь. И я дал ей их.

Так что же, будь я проклят, пошло не так?

Стою на краю деревни и наблюдаю за тем, как целая толпа местных жителей собирается на площади и всей гурьбой направляется к моей лавке. Туда, где я оставил Айрис.

Внутренняя сущность недовольна. Сначала щенок, теперь вообще чуть ли не все деревенские к ней собрались. Я сплю? Что происходит?

На душе тяжело. Слишком много негатива накопилось от использования магии. И его необходимо сбросить. Желательно самым доступным и простым способом — разделить постель с супругой, но есть одно НО!

Голод начинает досаждать, я с трудом могу здраво соображать. На ум приходят совершенно неуместные мысли и картины, отвлекающие от происходящего.

Первая: супруга покорно избавляется от одежды и ложится на постель, но вместо желания это вызывает у меня отвращение. Если бы не необходимость избавляться от тьмы, предпочёл бы бордель, даже несмотря на запрет правителя. Безвкусные жрицы любви не эффективны, но немного помогают вернуть ясность мыслей.

Вторая: Айрис подпрыгивает с шелковых простыней и делает вид, что никакого желания исполнять супружеский долг у неё нет и не было в помине. И смотрит на меня так, будто впервые видит, но в глазах столько решимости и огня, что меня аж передёргивает. А как она при этом пахнет! Какими-то неизвестными мне специями. У неё новые духи, о которых я не знаю? Как же приятно, должно быть, её сопротивление на вкус! Так и тянет попробовать.

Делаю глубокий вдох, затем выдох. Не сейчас! Не время и не место. У нас уговор, а я на задании.

— Идёмте скорее, говорят новая хозяйка сегодня невиданными сладостями угощать будет! — слышу голоса деревенских баб, проходящих неподалёку.

— А если не настряпает? Чтож мы её и впрямь погоним отсюда с позором? — спрашивает вторая.

— Конечно! Или жалко тебе её? — всплёскивает первая руками. — Ты али не видала какая она смазливая? Вот как мужиков наших соблазнять от безделья поведётся, тогда тоже будешь её жалеть?

С трудом подавляю рык. Да как они смеют так говорить о моей жене? Спать бы тут всё до основания.

Решаю последовать за ними и посмотреть, что же всё-таки удумала моя благоверная. Да и если этим недалёким взбрѣдет в голову поднять на неё руку, вовремя дать всем понять, кто тут главный. А кто мелкие смертные, недостойные даже стоять рядом с моей женой.

Когда подхожу к лавке, у входа уже толпится человек тридцать не меньше. Но никто не галдит, не кричит. Все с интересом разглядывают что-то.

— Для вашего удобства постройтесь, пожалуйста, в очередь. Пироженок не так много. Каждому достанется по одной. Если брать больше, то попробуют не все, а на приготовление новой порции у меня не хватает масла, — раздаётся голосок Айрис.

А моего чувствительного нюха касается очень аппетитный аромат. Что-то сливочное и жареное? Незнакомое. Опять.

С удивлением отмечаю, что после того, как один из местных пробует угощение, остальные живо выстраиваются в очередь. Мужик, которому посчастливилось заполучить первое пирожное, довольно облизывается и кивает.

— Вы как хотите, а я её выгонять не будет. Ежели станет она такие кругляшки постоянно стряпать, то буду, пожалуй, захаживать, — проходит он вдоль очереди, направляясь обратно к деревне.

Постепенно местные друг за другом берут свою порцию угощения и буквально меняются на глазах, превращаясь из хмурый и негативно настроенных ворчунов в довольно улыбающихся крестьян.

— Ой, дочка, что ж это за сладость-то такая? Из чего пекла? Да в какой печи? — спрашивает одна из баб, попробовав пирожное.

— Мука для него нужна, масло, яйца, сахар и кое-что ещё, — отвечает Айрис. — Но как пекла не скажу. Это мой личный рецепт. Если понравились, заходите в гости, всем буду рада.

Надо же, какая радушная. Кто ей помогал? Моя жена не умеет готовить, я в этом уверен на все сто. Есть только готовую пищу и терпеть не может сладости, утверждая, что они портят фигуру. Неужели щенок постарался?

Стоит вспомнить белобрысого, как я тут же замечаю его пшеничную шевелюру среди прочих пришедших. Вот же идиот! Смертник, не иначе! Второй раз предупреждать не стану. Подойдёт к Айрис — ноги переломаю.

— Говоришь, масло кончилось? — влезает очередная баба, жующая пшенично-сливочное нечто, приготовленное явно не моей женой. — Я тебе пришлю. У меня скотина своя. Масло имеется. И молоко. Денег-то поди нет. На что ты продукты покупать собралась? Но чур уговор! — поднимает один палец вверх. — Мне целый поднос вот этих кругляшков.

— Хорошо, договорились, — улыбается Айрис, а у меня живот сводит... и не только. Так бы и сожрал её целиком, не будь тут всего этого сброда.

— А я тогда яиц пришлю! — выкрикивает кто-то.

— А я сахару тростникового.

— А я мёду домашнего!

И местные начинают наперебой обещать новой хозяйке лавки продукты и свою помощь. Видно, что угощение пришлось им по вкусу, и никто больше не настроен её выгонять. Обещая занести всё перечисленное позже, деревенские расходятся, совершенно не обращая на меня внимания. Полог невидимости творит чудеса. Ни к чему мне лишние вопросы и удивлённые взгляды крестьян.

Куда подевался белобрысый я так и не понял, но совсем скоро Айрис остаётся у дверей одна.

Снимаю полог и шагаю ей навстречу. Девушка вздрагивает, но назад как раньше не отступает. В руках у неё небольшой противень, на котором сиротливо лежит последнее пирожное

довольно ущербное на вид, но пахнущее так, что я вынужден проглотить слюну, прежде чем обратиться к супруге.

— И что, всю деревню угостила, а мужа с дороги не покормишь? — интересуюсь, внимательно наблюдая за её реакцией.

Будь она прежней собой, презрительно фыркнула бы и заперлась в своих покоях до вечера. Но теперешняя Айрис не такая.

— С дороги ты был вчера. Где ночь ночевал, не знаю. А кормить мне тебя нечем. Разве что вот, — указывает на скверного вида обжаренный кусочек теста. — Последняя тулуба осталась. Угощайся.

Тулуба? Что за название такое? Сама придумала?

Совру, если скажу, что вид пирожного меня отталкивает. Пахнет оно так, что рука сама тянется к противню. Прежде чем отправить сладкий кругляшок в рот, замечаю, что к его обратной стороне приклеен зелёный листок какой-то травы. Так вот что так соблазнительно пахло?

— погоди, это есть не нужно, — отбрасывая пустой противень на землю, девушка делает шаг ко мне и протягивает руку, чтобы меня остановить. — Кислый же... — застывает, удивлённо глядя на то, как я, почти не прожёвывая, проглатываю диковинное угощение.

Это невероятно. Думал, что за свою длинную жизнь уже всё перепробовал, но такого сочетания сладкого сахарного сиропа с пикантной ярко выраженной кислинкой не встречал. Мне нравится и хочется... ещё!

Вторая сущность довольно втягивает носом запах, исходящий от женщины, стоящей теперь так близко. Голова идёт кругом.

Едва ли соображая, что творю, хватаю Айрис за талию и заталкиваю в лавку. Слышу, как за моей спиной захлопывается дверь.

— Ты чего? Ардэн, — смотрит на меня испуганно, совсем как в тот вечер перед нашей ссорой.

Как прямо звучит из её уст моё имя. Разве так было всегда?

— Ещё. Я хочу ещё. Прямо сейчас! — говорю и сам не понимаю, чего прошу. Чтобы она назвала меня по имени или раздобыла пару десятков пирожных.

Хотя нет. Понимаю. Я хочу... её!

Глава 17

Сердце колотится как безумное, когда Ардэн заталкивает меня в лавку.

— Ты чего, Ардэн? — не понимаю я.

— Ещё. Хочу ещё, — на выдохе рычит он, шагая на меня. — Прямо сейчас!

За спиной как-то очень быстро появляется стена, в которую я упираюсь, а Ардэн отрезает мне пути к отступлению, оперевшись на неё руками и зажимая меня в ловушку.

Какой кошмар. Нет, я, конечно, втайне мечтала о том, что мои сладости будут такими вкусными, что все просто с ума сойдут, но сейчас это становится немного даже опасно.

Горячее дыхание Ардэна обжигает шею, а пальцы впиваются в мои плечи почти до боли. В его глазах какое-то лихорадочное, даже безумное выражение, которое пугает меня до дрожи.

— Ещё... — хрипло шепчет он, и его губы почти касаются моей щеки. — Мне нужно... ещё...

Я чувствую, как его тело прижимается ко мне, замечаю недвусмысленные признаки возбуждения, и паника накрывает меня с головой. Боже, что происходит? Мы возвращаемся к моменту нашего знакомства? Что я такого сделала?

— Э-э... добавки? — пытаюсь я перевести разговор в безопасное русло, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и рассудительно. — Понимаешь, у меня закончились ингредиенты. Совсем. Ни сахара, ни масла...

Его пальцы скользят по моей шее, и я замираю, боясь пошевелиться. В комнате становится жарко, губы пересыхают, но я запрещаю себе даже думать о том, чтобы облизнуть их. Инстинкт самосохранения подсказывает мне, что это точно заставит его потерять контроль.

В голове вихрем проносятся мысли: что делать? Как выкрутиться? Куда бежать?

— Если хочешь ещё, — продолжаю я максимально мягко, словно разговариваю с диким зверем, — тебе придётся раздобыть продукты. Без них я ничего не смогу приготовить.

Ардэн замирает. Я чувствую, как его дыхание постепенно выравнивается. На его лице появляется странное выражение — будто он пытается собрать разбежавшиеся мысли.

— Сахар... — бормочет он. — И масло?

— Да, — киваю я, стараясь не делать резких движений. — А ещё яйца. Без них никак.

Ой, дура, что я, блин, несу!

Глаза Ардэна будто загораются изнутри, и я поспешно добавляю, пытаюсь удержать хотя бы его фантазию в рамках приличия.

— В кладовой ничего не осталось! Сам понимаешь. Лавка долгое время была заброшена...

Он отстраняется так внезапно, что я чуть не теряю равновесие. Секунду смотрит на меня диким взглядом, потом разворачивается и практически выбегает за дверь. Звук его шагов затихает в шелесте ветра.

Я сползаю по стене на пол, чувствуя, как дрожат колени.

Что. Чёрт возьми. Это было?

Что за странная реакция? И главное, на что именно? На еду? На мой голос? На что-то в поведении? Я же не провоцировала никак. Просто делала то, о чём мы и договорились!

Провожу дрожащей рукой по лицу. В голове крутится миллион вопросов, но ни одного ответа. Может, в этом мире есть какие-то афродизиаки, о которых я не знаю? Или дело в чём-то другом?

Медленно поднимаюсь на ноги. Нужно успокоиться и подумать. Разобраться, что произошло, пока Ардэн не вернулся. Потому что его поведение... оно пугает меня. И я совершенно не уверена, что в следующий раз смогу так легко выкрутиться.

Тихий шорох заставляет меня вздрогнуть и вскочить на ноги, но оказывается, что это всего лишь Якуб.

Крыса выбирается из-за пустых горшков, его усы забавно подрагивают.

— Ну и представление ты устроила, — фыркает он, запрыгивая на стул, а следом на стол, усаживаясь на его край. — Хотя должен признать, находчиво выкрутилась.

— А ты где прятался всё это время? — спрашиваю я, всё ещё пытаюсь унять дрожь в коленях.

— Здесь, конечно. Не горю желанием показываться твоему муженьку на глаза, — Якуб нервно умывается лапками. — Знаешь ли, драконы не особо жалуют крыс. Да и владельцы кондитерских тоже.

— Подожди-подожди, — я чуть не падаю на ближайший стул. — Какие ещё драконы?

— А ты не знала? — Якуб удивлённо таращится на меня. — Ардэн — дракон в человеческом обличье. Потому и такой... темпераментный. И властный. У них это в крови.

Какой ужас! Я про них только в книжках читала. Как вернуться в родной мир, а?!

Прижимаю ладони к горящим щекам. Дракон. Ну конечно. Это значит ещё очень хорошо, что я ему в первый день не далась, да? Мало ли...

Теперь многое становится понятным. И что его лучше не злить тоже, а то ещё обернётся ящером...

Ох, блин, Якуб же говорил, что он ящер, а я не поняла.

— Я его боюсь, — признаюсь тихо.

— И правильно делаешь, — Якуб деловито почёсывает за ухом. — Но тебе проще, он не тронет, ведь от тебя зависит его благополучие, как минимум психическое. Лучше используй ситуацию с умом. Ему явно понравилось твоё угощение. А значит, самое время заговорить о поставках.

— Чего?

— Масло и яйца у местных есть, конечно. Но для настоящей кондитерской этого мало, сама понимаешь. Нужен качественный сахар, экзотические фрукты, пряности, особые добавки... А у кого всё это есть? Правильно, у твоего дражайшего супруга, у которого «Лакомка» — не единственное заведение! Он точно знает, где и что можно достать.

Я медленно киваю, начиная понимать.

Действительно, если Ардэн захочет ещё моей выпечки, а судя по его реакции, захочет, он может возобновить поставки.

— Думаешь, согласится?

— Уверен, — Якуб потирает лапки. — Твой Ардэн, поесть любит, об этом даже здесь слыхали. А раз выпечка заставила его выбежать из дома и искать ингредиенты для добавки... В ней точно есть что-то особенное. Что-то, от чего даже дракон теряет голову.

Я прислоняюсь к стене, вспоминая безумный взгляд Ардэна. Может, Якуб прав и стоит использовать эту странную ситуацию себе во благо? Ну, пока он не вспомнил о том, что мы вроде как поспорили.

Не уверена, что получится, но попробовать стоит. Хоть попытаться.

— Только будь осторожна, — словно читая мои мысли, добавляет Якуб. — Драконы опасны. Особенно когда влюблены. Или одержимы. А твой мужёнок, похоже, и то и другое.

Я, не сдержавшись, фыркаю:

— Влюблены? Я здесь всего ничего, но уже могу смело заявить, что любви в этом мерзавце нет и капли.

Якуб лишь загадочно улыбается и, спрыгнув со стола, оставляет меня дожидаться Ардэна в напряжённой тишине.

Глава 18. Ардэн Хангер

Выскакиваю из кондитерской как ошпаренный, едва сдерживая желание что-нибудь разнести.

Проклятье! Я, владелец крупнейшей торговой компании, уважаемый лариан — бегу как мальчишка за сахаром, потому что жена так сказала? Смешно до зубовного скрежета.

Прохладный весенний ветер бьёт в лицо, принося запахи мокрой земли и прелых листьев. Если чуть прислушаться, можно уловить жареное мясо. Похоже, кто-то дичь забил. Не знаю почему, но тут, на свежем воздухе этот запах ощущается ярче и вкуснее. В городе он точно не ценится и будет считаться пресным и обычным.

Что-то в сочетании с запахами дикой природы удивительным образом смешивается, порождая яркое и аппетитное сочетание.

Останавливаюсь, делаю глубокий вдох. Ещё один. Постепенно красная пелена перед глазами рассеивается, и я могу думать яснее.

Что это вообще было? Почему я так... отреагировал? Словно какой-то дикарь, не способный держать себя в руках. От одного её запаха, терпкого и растекающегося по языку будто яблочная патока, от того, как она произнесла моё имя...

Провожу ладонью по лицу. Нет, так не пойдёт. Я не могу позволить себе терять контроль. Только не сейчас, когда столько поставлено на карту.

Оборачиваюсь и смотрю на «Лакомку». Вывеска чуть покосилась, краска местами облупилась — жалкое зрелище по сравнению с моими магазинами в столице.

И ведь это я отправил Айрис сюда. Думал, что делаю правильно, пусть поживёт в глуши, подумает о своём поведении. Но теперь...

Чувствую, как желваки начинают ходить от злости. Она нужна мне, не меньше соли в каждом из блюд. Без неё последствия использования магии могут стать, мягко говоря, неприятными. А она торчит здесь, в этой дыре, внезапно решив показать мне, что у неё есть характер. Это весело, конечно, аппетит подогревает, но жуть как не вовремя.

— Упрямая, своевольная женщина, — рычу сквозь зубы, чувствуя, как внутри поднимается драконье пламя. Приходится сделать ещё несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. — Нашла способ сбить мысли, смешав сладкое с кислым. Р-р-р...

Нет, определённо была ошибка отправлять её сюда. Слишком далеко и неудобно. И что-то с ней... не так. Она изменилась. Стала другой. Более уверенной? Независимой? Не могу точно определить, но это раздражает. Моя жена должна быть покорной, подчиняться моей воле.

Впрочем, не могу отрицать, что если она пыталась таким образом добиться внимания, то явно преуспела. Хорошее вкусовое сочетание, и я сейчас не только про её сладости.

Нужно идти, сахар сам себя не найдёт. Я дал слово, да и... признать честно, действительно хочу добавки. Одной конфеты явно мало, чтобы утолить мой голод. Пусть готовит всё для меня.

Смешно, конечно. Дракон, лариан, королевский советник бегают по дворам и ищет треклятый сахар, потому что жена попросила. Впрочем, нет. Я пошёл, потому что МНЕ это нужно.

Да, так звучит оптимистичнее.

Домов здесь немного. Когда я подбирал место для кондитерской, то рассчитывал, что она оживит эту глушь. Места в округе красивые, может кто переехал бы да погибающее село обрело новые лица и свежую кровь, но сложилось как сложилось. Все инвестиции бывают удачными только у лжецов.

Покупки даются легко — достаточно позвенеть монетами, и местные готовы отдать всё, что есть. Придерживаю усмешку, глядя, как краснеет и суетится хозяин одного из дворов, заворачивая сахар, который с его слов привёз из города всего два дня назад.

То ли выкупил его у знакомого, то ли украл, то ли от волнения, но цену он предложил такую, что становится смешно. В столице можно купить разве что горсть леденцов, а здесь целый мешок сносного качества. Нужно будет привезти сюда нормальный сахар.

Хотя стоп. Что-то везти? Начал говорить так, будто собираюсь дать «Лакомке» ещё один шанс.

Кристард бы оценил, — думаю я, вспоминая своего... коллегу. Лариан жадности с его вечной страстью к наживе точно нашёл бы способ выжать из этих простаков всё до последней монеты. Но, к счастью для местных, я не он. У меня ещё осталась совесть.

— Это славно, что кондитерская вновь работает, — сиплю говорит старушка, у которой я спрашиваю дорогу до мельницы. — Тут ж как люди стали пропадать, так новых лиц всё меньше.

— И давно люди пропадают? — настораживаюсь я.

— Вот как раз Марта, жена мельника-то нашего, и сгинула в лесу. Вы его расспросите, всё равно пойдёте.

— Хорошо. Спасибо.

Интересное послевкусие у этого разговора. Как будто то, чего мне не хватало для ответов на свои вопросы. И не поэтому ли не заработала моя кондитерская?

С мельника, значит, спрашивать?

Корзина с яйцами оттягивает руку, мешок сахара приятно давит на плечо. Всё идёт даже лучше, чем я ожидал. До тех пор, пока не подхожу к мельнице.

Проклятье. У входа маячит этот щенок, Грей. При виде меня бледнеет, но не уходит — упрямо поджимает губы. Что он тут делает?

Нехорошее предчувствие растекается горечью по языку, когда на пороге появляется мужчина в заляпанном мукой переднике. Со щенком они похожи так, как могут быть похожи только отец и сын.

Мда. Свезло мне.

— Мне нужна мука, — говорю без предисловий, они тут явно будут лишними. — Готов заплатить вдвое против обычной цены.

— Нет, — мельник скрещивает руки на груди.

Упрямый осёл.

— Втрое.

— Я сказал — нет. Никакой муки. Ни за какие деньги.

Щенок успел пожаловаться? Вижу торжествующий блеск в зелёных глазах. Идиоты.

Чувствую, как внутри поднимается знакомый жар. Один выдох — и от мельницы останутся головешки. Но... деловая хватка берёт верх над гневом.

Сжечь мельницу легко, а вот последствия... Если я спалю единственную мельницу на всю округу, это создаст слишком много проблем. Как минимум для моей жены и «Лакомки». Конечно, я могу наладить доставку муки в эту глушь, но это обернётся дополнительными тратами и задержками.

Нужно как-то договориться. Но если он настолько глуп, что откажется от денег из-за гордости...

— Это для Айрис, — пробую зайти с другой стороны, хотя от необходимости объясняться перед каким-то мельником внутри всё переворачивается.

— Тем более нет, — отрезает Говард. — Её мы отдельно обеспечим всем, чем нужно, но не позволим брать подачки от таких, как ты.

Сжимаю кулаки так, что костяшки белеют. Спокойно. Нужно оставаться спокойным. Может, есть другой способ? Какая-нибудь мельница в соседней деревне? Хотя... зачем мне

вообще это всё? Почему я, дракон, бегаю по деревне в поисках муки только потому, что моя строптивая жена так захотела?

— Пойдём, сынок, — мельник кладёт руку на плечо Грея. — У нас ещё есть дела.

Они уходят в мельницу, демонстративно захлопнув дверь. А я стою, сжимая в одной руке корзину с яйцами, в другой — мешок сахара, и чувствую себя так, как не должен чувствовать дракон и тем более лариан.

Им повезло, что мой порок чревоугодие. Будь это гнев — от мельницы уже ничего бы не осталось.

Но, всё же проблему я не решил. И что теперь делать?

Глава 19

Сидеть и ждать сложа руки мне не хотелось. На ум то и дело приходили идеи, которые требовали воплощения. Но чтобы ими заняться, требовалось облагородить помещение. Да, «Лакомка» помогла, и внутри стало чище и уютнее, но утварь сама себя по местам не расставит, вода из колодца не притечёт, а печь не растопится. Она и так продержалась целую ночь каким-то чудом, ведь я дров в неё не подкидывала. Да их и не было больше.

— Якуб! — зову единственного оставшегося у меня помощника. — Куда ты опять запропастился?

— Чего горло дерёшь? Тут я, — бурчит усатый, выныривая из-под одного из шкафов. — Снова помогать? Устал я за ночь.

— Большое тебе спасибо за помощь. Уж с кастрюлями и поварёшками-то я как-нибудь сама справлюсь. Но в тишине и одиночестве страшновато всё это делать. Составишь мне компанию? — говорю, а сама замечаю, что крыс довольно качает головой и гладит лапками свой мохнатый животик.

— Если просто поболтать, то я не против, — подбегает ближе и запрыгивает на столешницу в кухне.

Я довольно улыбаюсь, радуясь тому, что обзавелась собеседником. Ведь главная моя цель — это не просто поговорить о погоде, а выведать что-то о мире, в который я угодила, и о том, как тут всё устроено. Говорящие крысы и дома, это, конечно, здорово, но и подробности бы не помешали.

Якуб показывает, где стоят вёдра, чтобы набрать воды. Пары-тройки должно хватить на уборку. Притаскиваю их под мирное бурчание крысы о том, что леса здесь густые, но если знать проверенные тропки, можно обежать ближайший массив по периметру за день. Главное, ночью туда не соваться.

— Волки что ли водятся? — уточняю я.

— Нет, кое-кто похуже. Но тебе об этом знать ни к чему, — начал усатый, давая повод задать интересующие меня вопросы.

— Да я и не спрашиваю. Но общие какие-то понятия ты можешь мне дать? То, что ты волшебный, я уже и так знаю. «Лакомка» тоже не просто здание, а что-то с чем-то. Хорошо, что добрая и помогает. Спасибо ей за это, — аккуратно провожу ладонью по столешнице, на которой принялась расставлять всякую утварь, которую достала из шкафов.

Тепло, исходящее от мебели, даёт понять, что лавка меня услышала.

— Но драконы — это нонсенс. Кто ещё тут водится и какими способностями обладает?

— Да много кого. Маги, к примеру, — затараторила крыса. — Мы живём в волшебном мире, Ирина. И сила тут повсюду. Только делится она на две составляющих. Светлую, которую используют маги и высшие существа вроде драконов и тёмную.

— Значит, кто-то из них плохой, а кто-то хороший? — интересуюсь, доставая из одного из шкафчиков большую коробку с серебряными ложечками и вилками для десертов.

Надо же, у нас бы давно всё это утащили. А тут всё на месте. Никто ничего не тронул. Либо местные караулили и берегли лавку, либо она сама каким-то образом скрывала наличие таких богатств от забиравшихся в неё мародёров. Окно-то вон умудрились же разбить.

— Нет. Все они одинаковые. Оба вида силы существуют в каждом маге так или иначе. Стоит ему начать её использовать, светлая её часть идёт на убыль, а тёмная преумножается...

Якуб продолжает бурчать, а я вдруг понимаю, что у меня жутко чешется под лопаткой. До такой степени, что пытаюсь дотянуться до беспокоящего места рукой, но не выходит. Беру одну из вилок и скребу ею как чесалкой. Нахватаюсь-таки блох от крысы. Приплыли.

— ...и если не сбросить избыток тёмной энергии, то она начинает поглощать душу бедолаги, — слышу и замираю.

— Погоди-ка. Как это душу? Куда сбросить? — застываю, понимая, что пропустила всё самое интересное мимо ушей.

— Говорю же, тьма — коварная штука. Если много магичить и не избавляться от неё через положительные эмоции или... кхм, другими способами, можно сильно пострадать, — Якуб поднимает свой когтистый пальчик вверх, будто читает мне нравоучения.

— И превратиться в крысу? — пытаюсь пошутить, но по тому, как замирает грызун, понимаю, что, возможно, попала в точку.

— Нет, не в крысу, Ирина, — недовольно бросает он и отворачивается к окну.

Мне бы пожалеть о неуместной шутке, но зуд настолько раздражает, что я уже практически на стену лезу. А ещё у меня снова урчит в животе. Да так громко, что Якуб поражённо пучит на меня свои крысиные глазёнки и восклицает: “Сапожник без сапог, да? Опять ничего не ела, повариха ты горемычная?”

Быстро киваю, но голод заботит меня сейчас куда меньше, чем усиливающийся непроходящий зуд.

Вздрагиваю, потому что слышу стук в дверь. Громкий такой, настойчивый.

— О, ящер, поди, вернулся. Сейчас он тебя накормит, — отшивается Якуб в отместку и бежит к входной двери.

Я, само собой, за ним. Но не так быстро, как пронырливая крыса. Ноги не идут. В теле слабость. Прав всё-таки мохнатик, совсем я не думаю о еде. А, вернее, не думала. Потому что с появлением зуда, все мысли мои как раз только о том, чтобы набить желудок чем-нибудь вкусным. Неважно, будет оно сладким или солёным, главное, чтобы не пресным.

— Грей? — открыв дверь, вижу на пороге паренька с огромным мешком муки наперевес.

Торопливо оглядываю окрестности. Не видно ли где моего неадекватного муженька. Обещал ведь ноги ему переломать, если увидит.

— Ты что тут делаешь? — спрашиваю и понимаю, что сказать стоило для начала извиниться и поблагодарить его за то, что вступился за меня.

— Муки тебе принёс. Впустишь? — смотрит на меня как побитая собака на хозяина, хотя это мне бы нужно на него так смотреть. Обидели парня почём зря, а он не только не держит зла, а ещё и провианта приволок. — Там сахар и корзинка с яйцами у входа стоят.

— Где ты всё это достал? — спрашиваю, а у самой уже слюнки текут, как подумаю, что теперь могу приготовить элементарную яичницу.

— Это не я. Врать не стану. Лариан лично по деревне ходил, собирал. К нам на мельницу тоже наведалься, да только отец его спровадил. Мы тебе и так муки дадим. Так что, тут оставить или в кухню занести?

— Ой, что это я? В кухню, конечно. Спасибо вам огромное. Я непременно за всё рассчитаюсь, как лавка доход начнёт приносить, — хватаю корзинку с яйцами и спешу к плите.

Кажется, что если прямо сейчас не отправлю чего-нибудь съестного в рот, грохнусь в обморок. Отродясь мне так голодно не было. Да и особенным аппетитом я не отличалась. Странное ощущение. Неприятное.

Грей ставит муку в углу и отправляется за сахаром, а я думать ни о чём не могу, кроме еды. Собака Павлова, ей-Богу. Аж слюнки текут. Что же со мной такое?

Ардэн вон тоже то и дело и съестным говорит, и всякими словечками про специи апеллирует. Может, от него подцепила? Это заразно?

Хватаю сковороду и разбиваю на неё пару яиц. Крупные, домашние, куриные... радуют глаз большим аппетитным желтком. И только я собираюсь их пожарить, как вспоминаю, что печь-то давно остыла, огонь потух ещё утром. Дров больше нет, а другого источника тепла в кухне просто не имеется.

— Да ладно! Я же так с голоду помру, — с досадой опускаю сковороду на чугунную поверхность печи, где ещё утром жарила тулумбочки и нервно сглатываю. — Вот же! И правда, сапожник без сапог, — щёлкаю пальцами, понимая, что Якуб-то оказался прав, досадливо цокаю и отворачиваюсь от своей импровизированной «плиты».

Пытаюсь бороться с подступающими слезами, но они предательски льются из глаз. Кажется, что если прямо сейчас чего-нибудь не съем, умру на месте. И...о, чудо! За спиной что-то начинает шкварчать, а нос щекочет аромат жареных яиц.

— Что же ты сразу не сказала, что маг? — слышу голос Грея, а сама как замороженная смотрю на раскалённую сковороду с готовой яичницей на совершенно холодной плите.

Глава 20

С трудом верится в то, что только что произошло. Смотрю на свои руки — обычные, ничем не примечательные. Но как тогда это случилось? Я смогла пожарить яйца просто от одного желания? И судя по ошарашенному лицу Грея, это не галлюцинация.

— У меня есть магия, — шепчу я, и от этих слов по коже бегут мурашки.

Магия. Настоящая! Не та, что в книжках описывается, с заклинаниями и волшебными палочками, а что-то... другое. Более естественное, словно продолжение меня самой.

И я буду не я, если не проверю границы своих возможностей!

— Грей, ты голоден? — спрашиваю я.

— Эм...

— Давай что-нибудь приготовим! — хватаю его за руку. — Что ты хочешь? Сделаем?!

На меня нападает энтузиазм, сравнимый с недавним голодом. Очень хочется опробовать.

Принесённого мешка муки хватит на неделю выпечки как минимум. Трогаю его кончиками пальцев, и внутри разливается странное тепло. Я точно должна попробовать ещё раз. Теперь, когда я знаю, что это возможно...

Достаю большую миску, разбиваю в неё найденные яйца. Свежайшие, с золотистыми желтками. Добавляю щепотку соли, немного сахара. В памяти всплывает рецепт бабушкиных блинов: тонких, кружевных, с хрустящими краешками. Интересно, получится ли тут?

«Была не была,» — решаюсь я и начинаю всыпать муку.

И снова происходит что-то невероятное — тесто само собой размешивается до идеальной консистенции. Ни комочка, всё точно, как надо! А ведь я к нему не прикоснулась!

От восторга кружится голова. Я достаю блинную сковороду и бросаю на неё кусочек масла. Поддаюсь интуиции и вновь позволяю магии течь свободно. Половник сам зачерпывает тесто, разливает его тонким слоем. Кажется проходит миг и пора переворачивать.

— Ого-го! — Грей наблюдает за происходящим с безопасного расстояния. — И что, прямо можно есть?

— Нужно!

Достаю чистое блюдо и ставлю перед парнем. Готовый первый блинчик, вопреки поговорке комом не становится, а аккуратно перелетает на стол и устраивается на приготовленном блюде.

— О-бал-деть! — присвистывает Грей.

— Пробуй! А я ещё сделаю. Нам бы сметаны... А хотя стоп. Тут же есть!

В корзине и правда находится небольшой горшочек, а внутри настоящая деревенская сметана. Так, нужно сосредоточиться на приготовлении, а то опять слюнями захлебнусь.

Блины получаются один лучше другого — золотистые, воздушные, с кружевным узором. Невесть откуда взявшаяся магия ощутимо ускорила процесс их приготовления, так что вместо получаса, а то и часа, как случалось у меня всякий раз, если я готовила слишком много теста, ушло всего минут десять-пятнадцать. Параллельно с этим мы лакомились вкуснейшим угощением, чередуя сметану и оставшееся варенье из каштанов.

— Спасибо, — Грей откидывается на спинку стула и прикрывает глаза — Это было... необычно. И очень вкусно.

— Рада, что тебе понравилось, — киваю, пряча улыбку.

Забавно наблюдать, как этот здоровый парень, почти на голову выше меня, смущается как мальчишка. Наверное, не каждый день видишь, как еда готовится сама собой.

Такими темпами, если у меня будут все необходимые ингредиенты, я вмиг разбужу «Лакомку».

— Блин, надо, наверно уходить мне, — тоскливо тянет он. — А то явится твой муженёк и снова ругаться.

— Он бывший, — поправляю я. — Спасибо, что зашёл. И прости за него ещё раз.

— Да, порядок. С ним мы с отцом дел иметь не будем, но тебе поможем, даже не сомневайся. Он мне не нравится.

— Я найду как с вами расплатиться, — обещаю я.

Закрыв за ним дверь, возвращаюсь на кухню. Везде мука, грязная посуда, крошки... Но теперь у меня есть секретное оружие. Сосредотачиваюсь, и...

Тарелки сами плывут к тазу с водой, тряпка танцует по столу, собирая муку. Это... весело! Словно я попала в диснеевский мультик.

«Интересно, откуда это взялось?» — размышляю, наблюдая за самостоятельно оттирающейся сковородой. Может, это тело Айрис? Но судя по реакции Грея, она тоже не должна была владеть магией. Или владела, но не знала об этом? Или это как-то связано с моим перемещением сюда?

Куда опять запропастился Якуб?!

Он начал рассказывать мне про последствия использования магии, но я пока не чувствую ничего особенного. Вообще отлично себя чувствую. Может последствия появятся позднее? Как много «хорошей энергии» я потратила?

Или вообще ничего не потратила? Если её нужно перекрывать положительными эмоциями, то я могла всё уже компенсировать? Ведь мне о-о-очень понравилось!

От размышлений начинает болеть голова. Слишком много вопросов и ни одного ответа. День выдался насыщенным, и усталость берёт своё. Пора спать.

Иду проверить камин и замираю. Чёрт. Дрова закончились. Совсем. А ночи здесь холодные, без огня не обойтись. Выглядываю в окно — темнеет, но ещё не ночь. До леса рукой подать, я быстро вернусь.

Надеюсь.

«Подумаешь, сходить за дровами», — убеждаю себя, накидывая тёплую шаль. Что может случиться? Я же недалеко, только хвороста наберу... К тому же у меня теперь и магия есть!

Луна уже выглядывает над кромкой леса. Где-то вдалеке ухает сова, а ветер приносит запах прелых листьев и мокрой земли. Поёживаюсь — то ли от прохлады, то ли от неясной тревоги. Но мне в любом случае нужно чем-то согреть дом на ночь... Зря не попросила Грея помочь.

Ладно. Несколько минут, и я вернусь в тёплый и безопасный дом. Что может пойти не так?

Делаю шаг под тёмные кроны деревьев, не подозревая, что этот вечер преподнесёт мне ещё немало сюрпризов...

Глава 21. Ардэн Хангер

Решив, что муку можно доставить из соседней деревни, отправляюсь к лавке. Но на подходе к ней замечаю что-то странное. Воздух вокруг «Лакомки» стал плотнее. Будто в очень жаркую погоду, когда пары от мельчайших частиц влаги концентрируются над землёй, поднимаются и позволяют разглядеть малейшее дуновение ветра. Красиво, но подозрительно.

Оставляю корзинки с продуктами возле входа и решаю осмотреться. Не нравится мне эта внезапная перемена. Слишком она аномальная для здешних мест. А ещё... холод. На дворе день-деньской, светит тёплое весеннее солнце, а мне аж нутро сводит от морозного ветерка, пробирающегося прямо под кожу. И дует он противоположно движению природного тока воздуха. От кромки леса стелется по земле и, словно подгоняемый какой-то силой, ползёт прямо к «Лакомке».

— Что за ерунда тут творится? — бурчу себе под нос, а сам присматриваюсь к подозрительному феномену.

Шаг, другой и вот я уже в молодом леске, у самой кромки густого леса, иду туда, откуда, как, мне кажется, тянет холодом и... тёмной энергией.

— Не зря правитель меня сюда прислал. Ему известно что-то, чего не знаем мы, ларианы, — рассуждаю сам с собой, уходя всё дальше в чащу.

Кажется, что вот-вот найду то, за чем явился, но чем дальше шагаю, тем туманнее и промозглее становится вокруг, а источника противного холода всё не видно. И тут меня в первый раз накрывает тьмой. Будто я применил магию и она резко разрослась внутри. Но я уверен, что ничего не делал. Как такое возможно?

Останавливаюсь перевести дыхание, так как сердце колотится как заведённое. Пытаюсь проморгаться и не могу. Вокруг тишина. Подозрительная и пугающая. Даже птиц неслышно. Но мне ли бояться таких мелочей? Я дракон! Высшее существо. Что мне какой-то подлесок? Выжечь бы тут всё и дело с концом.

Взгляд цепляется за высокое дерево с очень характерно-расположенным дуплом. Низко, почти у самой почвы. Эта настораживает. Не могу отделаться от мысли, что уже проходил мимо него несколько минут назад.

Отмахиваюсь от собственных соображений и иду дальше. Но через четверть часа снова останавливаюсь возле того же дерева.

— Проклятье! Да меня водят кругами! — понимаю и злюсь сам на себя за недалёковидность.

Голод усиливается. Прошло уже столько времени, а я до сих пор ничем не полакомился, кроме угощения жёнушки.

Ох, нестати я о нём вспомнил. В животе заурчало, внутренняя сущность недовольно заворочалась. Но было и что-то ещё. Дракон беспокоится, и это раздражает больше досаждающего мне чувства неудовлетворённости собственных потребностей.

Тогда-то меня и накрывает снова. Но значительно сильнее и хуже, чем в первый раз. Тьма внутри будто весится. Мгновение и её становится больше, и с каждой минутой она растёт словно ароматное тесто на дрожжах. Только из него в итоге получался аппетитнейший хлеб с хрустящей корочкой, а то, что бесконтрольно разливается внутри меня, грозит очень серьёзными последствиями.

Но я не применяю магию. Вообще ничего не делаю. Даже источника треклятого холода найти не могу! И это злит, выводит из себя.

— Аг-р-р-р-р! — ревёт внутри дракон, готовый обратиться вопреки моему желанию.

И очень вовремя, потому что как раз в этот момент на меня нападает нечто, скрывавшееся до этого за одним из вековых деревьев. Времени на то, чтобы разглядывать врага не

быт. В грудь ударяет чем-то длинным и плотным, вышибая из лёгких весь воздух, но я мгновенно реагирую на опасность. Прыжок назад и боевая стойка спасают меня от второго существа, которое нападает справа.

Оцениваю ситуацию, понимаю, что существ всего двое и это не люди. Может, когда-то они ими и были, но тьма поглотила их свет без остатка, превратив в то, что сейчас стояло передо мной.

Тёмные бесформенные фигуры, никаких очертаний лиц или ушей. Просто мерзкая плотная масса, пытающаяся удержать форму, похожую на человеческое тело. Ноги и руки больше напоминают перегнившие стволы деревьев. Но от удара одной такой конечностью звёзды из глаз посыпались будто в грудь мне заехали как минимум тараном с медным наконечником, а не какой-то там корягой.

Одна из тварей мерзко булькает, вызывая у меня отвращение и тошноту. Если и есть в этом мире что-то способное бросить меня дрожь, так это рвотные позывы. Никогда не понимал, как можно избавиться от того, что употребил в пищу. Ведь в ней есть смысл и радость бытия.

Прежде чем успеваю сообразить, на кончиках пальцев возникает огненная искра.

— Вот же твари! Только магии мне сейчас не хватало, — досадую, выбрасывая руку вперёд и уничтожая одного из нападавших огненным потоком.

Дышать становится труднее. Последствия удара в грудину и, чтоб ей неладно, продолжающая разрастаться внутри тьма дают о себе знать.

Мне срочно нужно утолить голод. Любым доступным способом.

Оставшаяся тварь бросается на меня, но разве справится тёмный с ларианом?

Обращаться нельзя, любое магическое действие может подвести к тонкой грани, перейдя которую я уже не вернусь. Да и эти странные всплески тьмы внутри совершенно некстати. Будто кто-то тянет из меня мою силу и...

— Да быть такого не может! — меня словно ушатом холодной воды окатило.

Всё вдруг стало неважно. Ни западня, в которую я попал как наивный пацан ни атакующий меня тёмный, ни голод, который мешает здраво мыслить.

Я легко уклоняюсь от удара, пригибаюсь и ставлю подножку, сваливая тяжеленную машину на землю. Откуда только силы взялись? Наверное, шок от осознания того, что у меня проблемы похлеще этого проигравшего битву и тьме и мне мага, придал мне сил. И вот я уже наношу фатальный удар пламенем, который оставляет от тёмного лишь горстку пепла, и поднимаюсь на ноги, которые отказываются слушаться.

На лес опускается ночь, медленно, тягуче. словно поднимающийся в карамельном сиропе пузырик воздуха, который вот-вот всплывёт на поверхность и забулькает, расплёскивая сладкое ароматное варево. То же происходит в моём сознании.

Из дракона силу может тянуть только одно существо. Его истинная пара. И то при наличии особенных обстоятельств. Я уже такое видел. Точнее, слышал и не мог поверить. А теперь испытал на себе.

Только этого мне сейчас и не хватало! Какая, тьма её раздери, истинная? Откуда она взялась и, главное, почему именно сейчас? Я женат, будь всё неладно! Что я скажу Айрис?

Почему-то именно последнее волнует меня больше остального. Как представляю её осуждающий взгляд, становится дурно. Она прекрасно знает, что дракон не может противиться истинности. И что? Развод? Не-е-ет! Ни за что!

Внутренняя сущность не допускает даже мысли о том, чтобы отпустить внезапно ставшую своевольной жену на все четыре стороны и сосредоточиться на поисках истинной. Но если я прав, и где-то поблизости действительно ходит та, что предназначена мне судьбой... разве не наоборот? Разве не должен он искать именно её?

Тьма уже не просто давит, а душит своей тяжестью. Стою не в силах пошевелиться. Нужно срочно вернуться в лавку. Айрис там, она нужна мне. Никакой больше магии и оборотов. Нельзя. Я на грани. Ещё немного и меня схлопнет порочным откатом.

— А-а-а-а! — раздаётся девичий крик, парализующий всё моё естество.

— Айрис, — шепчу, узнавая голос, который не перепутал бы ни с каким другим, а в следующее мгновение уже смотрю на этот мир глазами дракона.

Глава 22

Совру, если скажу, что не боюсь, но мёрзнуть ночью в пустом холодном доме совсем не хочется, поэтому я «молодым кабанчиком» бегу к самой кромке леса, где принимаюсь собирать веточки и сухую кору для розжига. Радуюсь, что прихватила с собой длинную верёвку, которой можно всё это перевязать.

Я далеко не дурочка и прекрасно понимаю, что дрова в том виде, в котором они мне нужны, в лесу сами не родятся, и никто мне их там из брёвен не наколет. Поэтому ищу хворост потолще и посуше и, когда его набирается приличная вязанка, взваливаю её на спину.

Осматриваюсь и понимаю, что всё-таки ушла довольно далеко от края и надо бы пошевеливаться, если хочу вернуться домой до того, как на лес опустится тьма-тьмущая. Осветительных фонарей тут не предусмотрено, земля, устланная перегнившей прошлогодней листвой, тёмная. Не разобрать куда можно безопасно ступить, а куда нет.

Только заносу ногу чтобы, наконец, зашагать по направлению к лавке, как моя ноша перевешивает и начинает тянуть меня назад.

Кажется, вопль, слышно на весь лес. Не знаю, чудо это или нет, но заваливаюсь я аккурат на вязанку и лежу теперь будто черепаха, которую перевернуло на спину, размахивая руками и ногами, ведь встать, будучи привязанной к целой куче хвороста мне не удаётся.

— Вот же идиотка, — шлёпаю себя ладонью по лбу. — Надо же просто ослабить верёвку и...

И тут прямо возле моего уха слышится утробное рычание, а щеку обдаёт горячим влажным дыханием.

Что я там говорила о том, что не могла подняться? Забудьте!

Руки сами выскакивают из удерживающей меня верёвки, подпрыгиваю и что есть духу бросаюсь бежать прочь. Куда? Неважно. Лишь бы подальше от чудища, которое пришло меня сожрать.

— Ма-а-а-ма! — воплю во всё горло, несясь по кочкам и лихо перепрыгивая через бурелом.

И создаётся ощущение, что за мной никто не бежит, потому что, если бы чудовище таких размеров увязалось следом, я бы это точно слышала. Но кроме эха моих воплей не слышно ничего. Даже пения птиц. Да, ветки трещат, но и те только под моими ногами.

Запыхавшись, наконец останавливаюсь, оперевшись рукой на крепкий ствол дерева. Дышу так, будто лёгкие того и гляди разорвёт. Кислорода не хватает. Паника затуманила мозг.

— Набегалась? — слышу очень знакомый голос совсем рядом, перестаю оглядываться и смотрю прямо перед собой. — Надо же, как разгорячилась. Зарумянилась вся. Даже в темноте видно, как щеки алеют. Что-то в постели ты до такой степени не старалась, жёнушка.

— Ардэн? — понимаю, что всё это время опиралась не на ствол дерева, а на крепкую грудь супруга Айрис.

Откуда он тут взялся?

— Т-т-там чудище! Огромное! Чуть меня не сожрало! — в запале начинаю объяснять я. — Я от него... убегала, а тут ты... и вот...

Только теперь замечаю, что глаза у мужа какие-то необычные, и охаю, понимая, что зрачки у него не круглые как у нормального человека, продольные вертикальные, как у...

— Ящер, — шепчу еле слышно на выдохе.

— Верно. Чудище. Огромное и очень голодное, — Ардэн усмехается, облизывая губы. Его голос стал глубже, грубее, в нём появились рычащие нотки. — Идём к лавке. Иначе сожрал бы тебя прямо здесь, но я же не зверь. По крайней мере, наполовину.

Он склоняется ко мне, шумно втягивая воздух носом. Так это был он? Становится страшно. Каждый раз, когда этот мужчина — или то, что скрывается под его обликом — так близко, меня бросает в дрожь.

— Не стой столбом, — его голос звучит как приказ, властно и твёрдо. — Наказать бы тебя за то, что потащила ночь в лес одна, но сейчас есть дело поважнее.

Тон, которым он это говорит, не оставляет сомнений: у нас действительно срочная задача. Общая. И мне лучше подчиниться, иначе быть беде.

Злюсь на себя за пугливость, за то, что оставила собранный хворост где-то там, позади, сжимаю кулаки, но всё же иду вслед за Ардэном, который... как-то странно шагает. Будто прихрамывает.

— С тобой всё в порядке? — решаюсь, наконец, спросить, когда мы выходим из леса и на горизонте уже видна «Лакомка».

— Нет! — его рык заставляет меня вздрогнуть. Он пошатывается, и я бросаюсь к нему, подставляя плечо для опоры. Но он настолько тяжёл, что мне едва удаётся удержать его.

— Ох! — вырывается у меня, когда его вес всей тяжестью обрушивается на меня.

Это, кажется, приводит его в чувство. Он делает несколько глубоких вдохов, трясёт головой, прогоняя морок.

— Чем тебе помочь? — спрашиваю я, замечая, как он выглядит: будто его пыльным мешком ударили по голове.

— Я голоден, Айрис, — его голос звучит тихо, но в нём слышится что-то пугающее. — Идём.

Он сам на себя не похож. В его речи появились рычащие нотки, словно со мной говорит не он, а что-то тёмное, что скрывается внутри.

— Да на тебе лица нет, а ты всё о еде, — бормочу я, стараясь скрыть дрожь в голосе. — Идём в лавку, я блинчиков напекла. Осталось немного.

Ардэн кивает, но его шаги по-прежнему неуверены. Я иду рядом, чувствуя, как его рука сжимает моё плечо — нежно, но с такой силой, что становится ясно, если он захочет, то сожмёт кулак и, скорее всего, раскрошит мои кости.

Мы добираемся до лавки. Ардэн, однако, выглядит всё хуже. Его шаги становятся тяжелее, дыхание — прерывистым. Он едва держится на ногах, и я чувствую, как его вес всё больше давит на моё плечо.

— Держись, — шепчу я, пытаюсь поддержать его. — Мы почти на месте.

Он не отвечает, только глухо рычит, будто каждое движение даётся ему с трудом. Его кожа кажется горячей и слегка влажной. Я чувствую, как его тело напрягается, будто он борется с чем-то. Это же не та тьма, о которой мне рассказывал Якуб?

— Ардэн, что с тобой? — спрашиваю я, когда мы, наконец, переступаем порог лавки.

Сгружаю супруга с себя на кресло, стоящее рядом со входом. Он не отвечает, глаза так и горят странным светом, а зрачки сужены в тонкие вертикальные щели. Он смотрит на меня так, будто я его добыча, а не жена.

— Айрис, — его голос звучит хрипло, почти зверино.

— Чем тебе помочь? — подхожу к нему, стараясь не показывать, насколько меня пугает его состояние.

Он резко встаёт, и я отшатываюсь, но Ардэн хватается за руку. Его пальцы обжигают, а взгляд становится всё более диким.

— Уже помогаешь, — он тянет меня к себе, и я чувствую, как его дыхание становится горячее. — Ты здесь.

— Ардэн, ты не в себе, — пытаюсь вырваться, но его хватка железная. — Давай я принесу тебе еды, воды...

— Еда? — усмехается. — Я и правда голоден... зверски.

Он наклоняется ко мне, и я чувствую, как его губы касаются моей шеи. Дыхание обжигает кожу, а сердце начинает биться так сильно, что, кажется, вот-вот выпрыгнет из груди.

— Ардэн, остановись, — шепчу я, но в моём голосе нет уверенности.

— Не могу, — он прижимает меня к себе, и я чувствую, как его тело дрожит от напряжения. — Ты не представляешь, как долго я сдерживался.

Его руки скользят по моей спине, и я понимаю, что сопротивляться бесполезно. Но это не страх — это что-то другое, от чего кровь приливает к щекам, а дыхание сбивается.

— Ты же не зверь, — напоминаю я, стараясь звучать твёрдо, но голос предательски дрожит.

— Ещё нет, — заявляет он с усмешкой. — Но если не поспешить, будет поздно.

Движения у него рваные, нетерпеливые. Ардэн будто шарнирная кукла, пытается быть нежным, но прикосновения выходят механическими.

Его губы касаются моих, и я чувствую, как что-то внутри меня откликается. Голод, о котором он говорит, просыпается и во мне, а кожа на спине снова начинает чесаться. Стоит Ардэну задеть пальцами ту самую область, по телу пробегает дрожь желания. Дракон лишь слегка надавливает, зуд исчезает и мне становится просто необходимо ответить на его действия.

Набравшись смелости, приоткрываю рот, позволяя его языку скользнуть внутрь и найти мой. Слышу собственный стон и не верю в то, что творю. Это не поцелуй — это что-то большее, что-то, что заставляет мир вокруг нас исчезнуть.

— Айрис, — он шепчет моё имя, и в его голосе слышится мольба. — Не бойся меня.

— Я не... — бормочу я, толком не понимая, что хочу сказать.

Страх смешивается с чем-то другим — с желанием, с любопытством, не пойми откуда взявшейся убеждённости в том, что я могу ему доверять. Он не сделает мне больно. Не Айрис, а именно мне, самозванке, занявшей её место.

Ардэн снова прижимает меня к себе, настойчивее, и я чувствую, насколько сильно «голоден» мужчина. Ни один из моих бывших никогда так меня не хотел, как хочет сейчас этот заносчивый, невероятно привлекательный грубиян. Так сильно любит свою жену?

Почему-то возникает ощущение, что я мотылёк, угодивший в паутину и чем дольше я бездействую, тем ничтожнее мои шансы на спасение.

В себя приводит резкий холод от соприкосновения спины с каменной стеной, к которой меня прижимает супруг. Понимаю, что верх подаренного платья уже болтается где-то на поясе, а сама я бесстыдно льну к Ардэну, обвивая его руками за плечи.

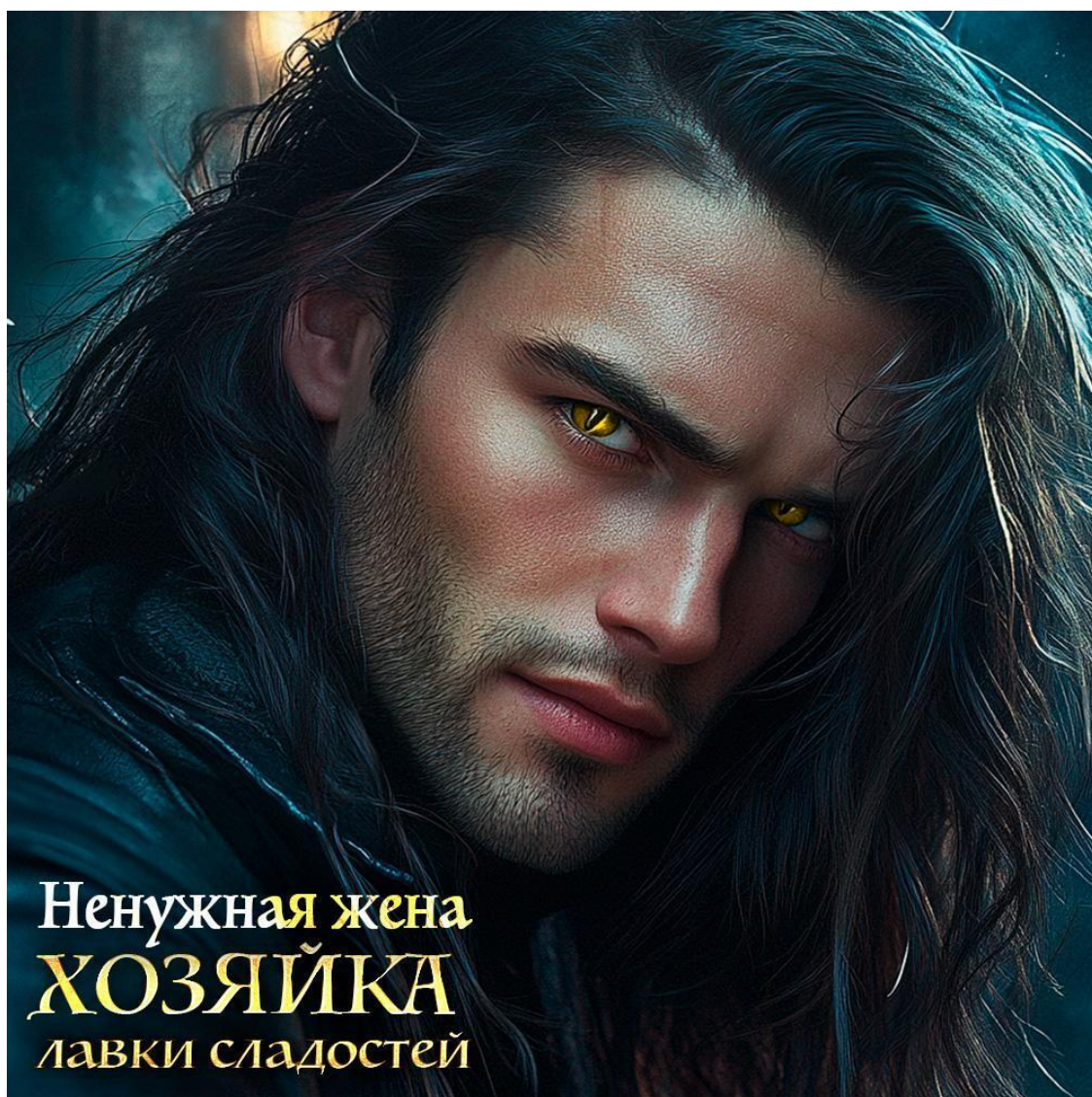
Дёргаюсь, чтобы вырваться из его крепких объятий, но ничего не выходит, потому что во взгляде мужа не осталось ничего человеческого.

Так нельзя. Это неправильно!

— Ардэн, — мой голос сейчас больше напоминает скулёж. — Хватит. Ты не в себе! Отпусти!

Кто бы меня послушал, ага. Муж сосредоточился на том, чтобы не оставить ни одного сантиметра моей шеи без отпечатка поцелуя и, пока это не скинуло меня в пропасть безумия, я умудряюсь сползти вниз. Подныриваю под его руку, зашипев, когда спина больно царапается о стену, и, прижав к груди болтающийся верх платья, бегу в сторону кухни.

В этот миг я не догадываюсь, насколько опасно было поворачиваться к Ардэну спиной.

Глава 23. Ардэн Хангер

Как же она пахнет! Сожрал бы целиком, если бы мог.

Её истошные вопли при виде моей второй ипостаси вернули мне ясность ума. Ненадолго, но всё же. Испугалась дракона? Она же видела меня и не раз. Что происходит? Почему такая реакция?

С трудом добираюсь до треклятой лавки, удерживая тьму, которая так и рвётся к самому сердцу, чтобы поглотить мою душу и сделать из меня очередную подвластную одной только ей куклу. Большую, опасную и очень разрушительную.

И лишь присутствие рядом Айрис придёт сил.

Супруга снова лепечет что-то о том, чтобы мне помочь, прекрасно зная, что именно мне от неё нужно. Смотрит испуганно, будто не понимает, что со мной. Всё она прекрасно знает! Мы не первый месяц в браке. Я сразу рассказал ей, для чего именно мне нужна жена, и как важно каждый месяц прибегать к её услугам для избавления от тьмы. Всего раз! Но и этого не дождался, и вот к чему привело.

«Идиот! С чего я решил, что брак — препятствие к посещению домов терпимости? До этого месяца мне это не мешало. Что же изменилось после той ночи? Почему решил, что либо она, либо никто? Рехнулся? Я же был в шаге от знакомого мне заведения. Почему не вошёл в его двери?»

Когда Айрис вырывается и бежит прочь, я замираю на мгновение. На её спине, где платье сползло вниз, отчётливо виднеется метка.

Я впервые вижу этот рисунок — алую спираль с языками пламени по краям, но убеждён так же, как убеждён в собственном имени. Это метка истинной пары. Моя метка.

Кровь в жилах закипает. Дыхание становится тяжёлым, а в груди разливается жар, такой сильный, что, кажется, вот-вот прожёт кожу. Драконья половина души рычит, требуя действий.

Моя. Она моя. Догнать. Схватить. Присвоить!

Срываюсь с места, не в силах сопротивляться этому зову. Сейчас я больше дракон, чем человек — инстинкты затмевают разум.

Айрис — моя истинная пара, та, кого я искал всю жизнь.

Та, кого судьба предназначила мне, и никто не смеет перечить. Даже она сама.

— Айрис! — рычу я, влетая на кухню. Она подпрыгивает от неожиданности, едва не роняя кувшин с водой, что стоял на столе.

В её глазах плещется страх, и на мгновение это отрезвляет меня... но лишь на мгновение.

— Покажи спину, — требую я, надвигаясь на неё. — Немедленно.

— Что? Нет! — она отступает к стене и прижимая к груди платье. — Что с тобой? Ты... пугаешь меня.

Пытаюсь сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться, но запах Айрис с нотами мёда и той травы, что смешалась с доставшейся мне сладостью, только усиливает безумие.

— У тебя метка, — произношу я, хватая её за плечи. — Которая доказывает, что ты — моя!

— Какая ещё метка? Ты чокнулся?! Отпусти меня! — она отбивается, и это только разжигает пыл.

Ловлю её запястья одной рукой, другой пытаюсь повернуть спиной к себе, но Айрис уворачивается и, схватив со стола деревянную ложку, угрожающе выставляет её перед собой.

— Ещё один шаг — и ты пожалеешь, — заявляет она с таким серьёзным видом, что я на секунду теряюсь. Моя истинная пара угрожает мне... ложкой?

Не могу сдержать смешка, который, впрочем, быстро перерастает в рычание.

— Думаешь, это остановит дракона?

— Ты... — она ищет подходящее слово, — невыносимый наглый тип! Что за дикость — врываться так и хватать меня?

Это даже смешно. Её претензии. Будто мы с ней не знакомы. Не думал, что она настолько хорошая актриса.

Делаю шаг вперёд, она отступает. Ещё шаг — и Айрис упирается спиной в стену. Улыбаюсь, чувствуя себя охотником, загнавшим добычу. Только моя «добыча» вдруг резко взмахивает ложкой и... пытается стукнуть меня по лбу.

Руку её я, разумеется, остановил, но сам факт.

И ведь не в первый раз уже пытается.

Застываю в изумлении. Никто, НИКТО не смел поднять на меня руку с тех пор, как проявилась моя драконья сущность. А эта маленькая дерзкая женщина только что попыталась ударить меня... ложкой. По лбу.

Секунду смотрим друг на друга. Она в ужасе от собственной смелости, я — в полном недоумении. А потом неожиданно для самого себя начинаю смеяться.

— Боги, женщина! Ты невозможна, — произношу я, вытирая выступившие от смеха слёзы. — Знаешь, обычно моя добыча визжит и умоляет о пощаде, а не бьют меня кухонной утварью.

— Добыча? — Айрис смотрит на меня с подозрением, но я вижу, как напряжение постепенно уходит из её плеч. — Я не твоя добыча, — говорит твёрдо. Ещё бы ножкой топнула. — И вообще! Ты ненормальный!

Глубоко вздыхаю, пытаюсь обуздать бушующего внутри дракона. Сейчас не время для охоты. Если она действительно моя пара, то у нас впереди вечность. Можно позволить себе немного терпения.

Если она истинная — это меняет абсолютно всё. Одно её присутствие рядом сможет утолить голод по светлой энергии.

— Значит, — говорю я, осторожно забирая из её рук ложку, — нам предстоит провести вместе очень много времени.

— Чего?! Нет!

Я усмехаюсь, поймав её подбородок и вынуждая смотреть на себя.

— Ты же этого хотела, Айрис? Чтобы я всегда был рядом? Чтобы находил тебя везде, где бы ты ни пряталась? — делаю паузу, наслаждаясь тревогой в её глазах. — Я найду тебя. Всегда буду находить. Потому что так устроен мир, моя маленькая непокорная пара.

Айрис хмурится, но в глубине её глаз мелькает что-то новое — любопытство, смешанное с вызовом. Дракон внутри меня довольно урчит. Возможно, охота будет сложнее, чем я думал, но от этого только интереснее. Теперь, когда я знаю, что она моя, всё остальное — лишь вопрос времени.

— У меня нет никакой метки! — огрызается она. — Не подходи ко мне!

Я усмехаюсь сперва, но потом в мысли врывается осознание.

Я бы с Айрис не один раз. Вертел её со всех сторон, я знаю её тело — и никаких меток на нём не было.

Мысли проворачиваются с металлическим скрежетом.

Если бы Айрис была моей истинной, она бы точно получила метку до или в первое время нашей супружеской жизни.

Но метки нет, а это значит...

— Ты моя истинная пара, — медленно произношу я. — На твоей спине определённо моя метка. Но я уверен, что ты не Айрис, потому что у неё ничего подобного не было. Тогда кто ты такая?

Глава 24

Сердце колотится так сильно, что, кажется, вот-вот выскочит из груди. Взгляд Ардэна прожигает меня насквозь — тяжёлый, изучающий, неумолимый. В комнате вдруг становится невыносимо душно, хотя печь уже остыла.

— Кто ты такая? — его голос звучит обманчиво мягко, но я чувствую скрытую под ней сталь.

Во рту пересыхает.

Что сказать? Правду? Солгать?

Меня бросает в жар, а потом в холод. Кончики пальцев немеют от волнения. Машинально поправляю складки платья, избегая его взгляда. Мне просто нужно немного времени, чтобы собраться с мыслями.

— Я... — начинаю и осекаюсь.

Слова застревают в горле. Облизываю пересохшие губы и неожиданно для себя выпаливаю:

— Я обещала покормить тебя, помнишь? Но сначала нужно растопить печь. Ты не мог бы... не мог бы принести что-нибудь для огня?

Выходит неуклюже, и я почти уверена, что он откажет. Но вместо этого уголок его рта слегка приподнимается.

— А потом всё расскажешь? — уточняет он, скрестив руки на груди. В его позе читается что-то хищное, настороженное.

Киваю, пытаюсь улыбнуться. Я понятия не имею, что он выкинет, так что от правильности слов сейчас может зависеть моя жизнь. В буквальном смысле!

Боже. Когда всё успело стать настолько сложным?!

— Обещаю. Да и неправильно это, общаться на голодный желудок. И... и в холоде.

Мне просто нужно выиграть время, чтобы подобрать слова. Кто этого монстра знает, может он послушает, да откусит от меня кусочек. Вон глаза какие. Сам говорил, что голодный, попробую воспринимать его буквально, может и обойдётся?

К моему удивлению, Ардэн кивает и выходит из кухни. Как только его спина пропадает из виду, я судорожно выдыхаю, только сейчас понимая, что не дышала всё это время.

Господи, что я делаю? Что я вообще могу ему рассказать?!

Правду? «Привет, я Ира из мира, где магии нет, и я понятия не имею, как здесь оказалась?» Звучит как начало истории для психиатрической больницы.

Ложь? Но какую? Я даже не знаю, кто такая настоящая Айрис и почему он решил на ней жениться. И какие отношения у них были до подмены мной.

Из прихожей доносится грохот, затем треск. Вздрагиваю и прижимаю руку к груди. Что он там делает?

Через пару минут Ардэн возвращается с... кусками разломанного стула? Или это был стол? Трудно сказать, но мебель определённо пала жертвой его силы.

— Вот, — бросает он, складывая деревянные обломки перед печью. — Этого хватит.

— Ты сломал... мебель? — выдавливаю я, не зная, смеяться мне или плакать.

Он пожимает плечами с таким видом, будто это самая обычная вещь в мире.

— Слишком старая. И теперь есть чем растопить.

Киваю, чувствуя, как губы непроизвольно растягиваются в улыбке. Есть что-то почти мальчишеское в этой прямолинейной логике.

Пока Ардэн разжигает огонь, я достаю необходимые ингредиенты и принимаюсь замешивать тесто. Движения помогают успокоиться, сосредоточиться. К магии я даже не пытаюсь обратиться, пусть лучше в и без того непростом разговоре будет меньше переменных.

Молоко, яйца, мука... Знакомая последовательность действий дарит иллюзию контроля над ситуацией. Когда первый блин шипит на сковороде, наполняя кухню ароматом выпечки, я, наконец, решаюсь.

— Я действительно не та, за кого ты меня принимаешь, — говорю тихо, не оборачиваясь. Почему-то так легче. — Я не знаю, кто такая Айрис. И я не знаю, как оказалась в её теле.

Ардэн молчит, и эта тишина давит тяжелее любых слов. Переворачиваю блин, наблюдая, как румянится его поверхность.

— В моём мире нет магии, — продолжаю я, слова теперь льются потоком. — Нет драконов. Нет... всего этого. Я шла домой через переулок, поскользнулась, ударила головой, а когда очнулась — была уже здесь. В этом теле. А потом ты пришёл. Для...

Делаю глубокий вдох и, наконец, оборачиваюсь. Лицо Ардэна непроницаемо, но в глазах пляшут опасные огоньки. Гнев? Недоверие? Не могу разобрать. Желудок скручивает от страха.

— Я не хотела никого обманывать, — добавляю поспешно. — И если есть способ вернуться домой, я бы с радостью им воспользовалась. Я никому не желаю зла, клянусь.

Он молчит так долго, что я начинаю дрожать. Откладываю лопатку и снимаю готовый блин со сковороды, стараясь занять руки, чтобы скрыть нервную дрожь.

Может, если задобрить его едой? Это глупо, конечно, но... Что мне терять?

Сворачиваю блин трубочкой, посыпаю сахаром и, собрав всю свою смелость. Ардэн сидит за столом, сложив руки на груди. Наклоняюсь к нему, почти усаживаясь на колени, и поднимаю блин к его губам.

— Попробуй. Не пересолила?

Наши взгляды встречаются, и я вдруг понимаю, насколько близко мы находимся друг к другу. Его глаза, тёмные и глубокие, мерцают золотыми искрами. От него исходит жар, не имеющий ничего общего с теплом печи.

Он медленно, не отрывая взгляда от моего лица, приоткрывает рот и забирает блин. Его губы на мгновение касаются моих пальцев, и меня будто прошивает электрическим разрядом.

Жуёт, проглатывает... и вдруг его лицо озаряется хищной улыбкой, от которой у меня мурашки бегут по спине.

— Вот как, — произносит он низким голосом, от которого всё внутри сжимается. — Значит ты из другого мира и хочешь вернуться домой.

Киваю, внезапно потеряв способность говорить.

Его рука неожиданно обхватывает моё запястье — не больно, но достаточно крепко, чтобы я не могла вырваться. — Значит я увезу тебя в своё поместье и запру там.

— Ч-что? Зачем?

Улыбка Ардэна становится шире, обнажая зубы, которые кажутся острее, чем должны быть.

— Потому что я так хочу? — то ли спрашивает, то ли заявляет он.

Сердце пропускает удар. В его словах звучит угроза, но есть в них и что-то ещё. Он вряд ли мне верит, но и убивать вроде не собирается. По крайней мере, пока.

— А если я откажусь?

Ардэн наклоняется ближе, так что я чувствую его дыхание на своих губах.

— А у тебя есть выбор, маленькая самозванка?

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.